

АКАДЕМИЧЕСКИЕ РЕПУТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Михаил Соколов

Центр институционального анализа науки и образования
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Препринт ЦИАНО 2020
ciase.ru

Соколов Михаил Михайлович — научный руководитель Центра институционального анализа науки и образования, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Почта для связи с автором: msokolov@eu.spb.ru.

Исследование было проведено Центром институционального анализа науки и образования совместно с компанией eLIBRARY.RU, создателем Российского индекса научного цитирования и сайта-библиотеки elibrary.ru. Авторы хотели бы персонально поблагодарить Виктора Алексеевича Глухова, благодаря деятельной помощи которого проект стал возможным. Мы также благодарны Павлу и Юлии Степанцовым (компания Synopsis) за помощь с дизайном и программированием анкеты.

Центр институционального анализа науки и образования открыт Европейским университетом в Санкт-Петербурге в 2017 году. Центр специализируется на изучении институциональных форм, в которых протекает академическая жизнь — организаций (университетов, исследовательских институтов), арен научной коммуникации (журналов, конференций), форм дисциплинарной самоорганизации (профессиональных ассоциаций). Центр исследует, под воздействием каких факторов эти формы возникают (государственная политика управления наукой и образованием, рыночные запросы, культурные, технологические и демографические сдвиги) и как они влияют на природу производимого знания.

Контакты:

**191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, литера А,
Научно-исследовательский центр
«Центр институционального анализа науки и образования»
www.ciase.ru**

Оглавление

Резюме.....	4
Введение.....	5
Методы и процедуры исследования.....	7
Выборка.....	7
Процедура опроса и выборочные смещения.....	8
Репутации	11
Персональные репутации.....	11
Рейтинг учебных заведений.....	14
Репутации журналов.....	16
Уровень консенсуса и структура сообщества.....	19
Можно ли предсказать репутации социологов, зная их показатели цитирования?.....	35
Ссылки.....	43

Резюме

- (1) Все формы признания в российской социологии сосредоточено в руках немногочисленной элиты, в основном сконцентрированной в нескольких московских институциях (в первую очередь, Институте социологии РАН и НИУ ВШЭ).
- (2) Внутри дисциплины не наблюдается явных признаков острой поляризации или фрагментации. Тем не менее, ее пространство внимания структурируется оппозицией между теми, кто ориентирован на глобальную науку, и теми, кто считает, что социология должна обращаться в первую очередь к русскоязычным аудиториям и развивать национальные традиции. Фигуры, представляющие каждый из полюсов, значительно менее известны на противоположном полюсе. При этом фигуры, находящиеся на локалистском полюсе, обычно оцениваются негативно на глобалистском, хотя обратное неверно.
- (3) В иерархии престижа образовательных учреждений также доминирует небольшое число столичных институций – три на уровне бакалавриата (НИУ ВШЭ, МГУ и СПбГУ), пять на уровне магистратуры (те же плюс МВШСЭН и ЕУ). Репутацию некоторых из них не подрывает даже то, что на них не работает кто-либо из широко известных социологов.
- (4) Большинство социологических журналов, судя по результатам опроса, не читает практически никто из активно публикующихся социологов. Несмотря на десятилетия развития постсоветской социологической периодики, в России по-прежнему существует один главный дисциплинарный журнал – «Социологические исследования».
- (5) Несмотря на то, что среди российских социологов преобладает настороженное отношение к наукометрии, она позволяет со значительной точностью предсказывать имена обладателей наиболее значимых репутаций. Наукометрические показатели и результаты нашего опроса дают сходные результаты, во всяком случае, в том, что касается выявления дисциплинарной элиты.

Введение

Положение работников в любой сфере определяется их репутацией; специфика академического мира состоит в том, что это положение определяется практически только ею. Репутация является основным активом ученых (Whitley, 1984). Она заставляет коллег принимать на веру их высказывания с большей готовностью, чем высказывания менее именитых специалистов, предоставляя им тем самым кредит доверия (Latour and Woolgar, 1979). Она побуждает тех же коллег следить за их работами более пристально — и если несколько человек могут заявить права приоритета на какое-то открытие, приписывать именно им первенство («эффект Матфея» — Merton, 1968). Она оправдывает то, что минута их труда оценивается выше минуты такого же труда ученых менее известных (так, в России и много где за ее пределами профессора обязаны преподавать меньше часов, получая за это бóльшую зарплату, чем доценты). Она объясняет готовность фондов вкладывать в их исследования деньги, а работодателей — предлагать им наперебой позиции.

Другой особенностью академического мира является то, что единственной репутацией, имеющей значение, является репутация среди коллег. Автономия научной дисциплины подразумевает безоговорочное делегирование ученым полномочий судить работу других ученых (Bourdieu, 1975). Только физики могут оценить работу физика; мнение профанов — даже если те непосредственно оплачивают исследования — является для фундаментальной науки полностью иррелевантным. Соответственно, бóльшая часть карьеры ученого есть работа по построению репутации в глазах коллег.

Особенностью репутации среди коллег в академическом мире, однако, является то, что она не становится автоматически видимой для постороннего (Соколов, 2008). Знание о ней в значительной мере передается по неформальным каналам. Репутация считывается причастными по едва уловимым сигналам: с какими интонациями произносятся имена коллег за их спиной, в каком порядке расположены их доклады, как долго им хлопают после этих докладов и т. п. К несчастью, все эти сигналы не доходят до аутсайдеров или не считаются ими. Если аутсайдеры хотят вычислить самого влиятельного ученого, чтобы, например, пригласить его или ее в жюри национального конкурса, они вынуждены полагаться на косвенные сигналы, такие как показатели цитирования, связь которых с репутацией является предметом многочисленных дебатов (см. обзоры в Aksnes et al., 2019; Bornmann and Daniel, 2008; Tahamtan and Bornmann, 2018; 2019, а также последнюю часть этого отчета). Более того, даже сами представители дисциплины не могут быть вполне уверены в том, что их представления о ценности чьей-то работы разделяются всеми коллегами. Всегда есть риск того, что ученые, принадлежащие к одному течению или придерживающиеся одних и тех же взглядов по какой-то проблеме, неосознанно создали вокруг себя информационный пузырь и слушают только своих единомышленников (Shwed and

Beaman, 2010). Неизбежно репутации одних и тех же фигур внутри и вне пузыря в этом случае будут существенно различаться.

Таким образом, даже если мы оставим за скобками хорошо понятный человеческий интерес к выяснению собственной и окружающих позиций в академической иерархии, оценка репутаций представляет собой важную проблему для ученых. С одной стороны, репутации фигурируют как зависимые или независимые переменные во многих исследованиях — например, когда изучается степень справедливости распределения академического вознаграждения, как в классических исследованиях «школы Мертон» (Губа, 2010). С другой стороны, невидимость репутаций для посторонних делает актуальной задачу поиска легко идентифицируемых сигналов, которые могли бы быть считаны аутсайдером, и оценки валидности сигналов, на которые аутсайдер уже опирается (прежде всего, валидности наукометрических показателей). С третьей стороны, такая процедура способствует рефлексии самих ученых, позволяя им проверить, не являются ли они узниками репутационного пузыря.

В этом отчете мы представляем попытку решить эти задачи применительно к российским социологам. В следующем параграфе 2 мы опишем процедуры и методы исследования, посвященного измерению репутаций средствами репутационного опроса. В параграфе 3 будут представлены результаты собственно оценки репутаций. Подпараграф 3.1 посвящен персональным репутациям, 3.2 — репутациям университетов, 3.3 — периодических изданий. В параграфе 4 мы зададимся вопросом о степени консенсуса по поводу репутационных оценок и о факторах, стоящих за формированием пространств внимания в российской социологии. Наконец, параграф 5 посвящен вопросу о валидности наукометрии в предсказании научных репутаций.

Методы и процедуры исследования

Выборка

Решение о том, кого приглашать к участию в репутационном опросе, является, возможно, самым проблематичным в дизайне любого исследования, использующего этот источник. Мы исходили из того, что поскольку специалисты в данной области обладают монополией на наделение друг друга академической репутацией, то их мы и должны опросить насколько возможно полно¹. В определении генеральной совокупности российских (подразумеваются пользующиеся русским языком для научной коммуникации) социологов неопределимым источником был Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), в который входит большая часть выходящей в России академической периодики. Публикации в журналах, входящих в РИНЦ, сложно миновать, делая научную карьеру в России, — и потому, что эти публикации являются обязательным условием защиты, и в силу повсеместных публикационных требований. В этом смысле мы могли быть уверены, что в нашу выборку попали все работающие академические социологи².

Включая социологов в выборку, мы опирались на следующие критерии. Во-первых, мы отобрали (в июле 2019 года) всех тех, у кого есть публикации по социологии (N = 6723). Однако в сформированный таким образом список попало значительное число представителей смежных дисциплин, написавших один-два текста, квалифицируемые РИНЦ как социологические. Чтобы преодолеть эту сложность, мы ввели второй фильтр — выбрали тех, у кого наибольшее число цитирований происходило из публикаций социологической тематики (N = 4467). Это решение принесло некоторое количество неприятных сюрпризов — так, из-за него среди тех, кто не попал в нашу выборку и не получил нашего письма, был В. В. Радаев, большая часть цитирований которого квалифицируются как экономические³. Далее мы отобрали тех, кто имел хотя бы 3 публикации в РИНЦ за предыдущие 5 лет (2014–2018), поскольку интерес для исследования представляли мнения тех, кто мог считаться активно работающим ученым. Так выборка сократилась до N = 3934. В получившейся выборке мы могли опросить только тех, кто был зарегистрирован в РИНЦ и оставил электронную почту, на

1 В этом наш подход отличался от подхода рейтинга социологов-практиков, в котором больший вес уделялся присутствию в массмедиа. Ссылка на рейтинг:

<https://cprk.ru/issledovaniya/budushchee/rejting-sotsiologov-praktikov/>

2 Этот способ формирования выборки привел к тому, что в ней оказалось некоторое количество ученых, публикующихся в российских изданиях, но проживающих в Беларуси, Казахстане и Украине. Мы анализировали их ответы наравне с остальными, опираясь: (1) на их принадлежность к русскоязычному академическому пространству, (2) их готовность идентифицировать себя с ним, отреагировав на анкету, обращенную к «российским социологам».

3 Экономистов больше, чем социологов, и, соответственно, они производят больше цитирований. При прочих равных, журнал с примерно равным числом социологических и экономических статей будет существенно больше цитироваться в экономических, а не социологических изданиях.

которую можно было отправить анкету (N = 3689⁴). Этим людям было послано приглашение принять участие в исследовании.

Процедура опроса и выборочные смещения

Респонденты были разделены случайным образом на четыре равные группы (в одной 923, в трех остальных — 922). Опрос проходил в две волны. Участники первой волны получили письмо с приглашением пройти опрос и уникальной ссылкой в конце марта 2020 года. Каждому достался один из двух вариантов анкеты, слегка различавшихся набором вопросов (подвыборки А и В). Вторая волна, с существенно скорректированными по результатам первой волны вопросами, также была поделена вариантами анкет на две подвыборки (С и D); анкеты были отправлены в конце апреля 2020 года. Через неделю после отправки первого письма те, кто не прошел опрос, получали письмо-напоминание, сообщавшее, что до окончания опроса остается 3 дня. Примерно половина от ответивших респондентов ответила после получения напоминания.

Общая картина заполнения представлена в таблице 1. Всего анкеты были открыты 1752 раза по 1293 уникальным ссылкам; 1037 уникальных респондентов ответили хотя бы на первый вопрос и 818 ответили на последний, пройдя всю анкету⁵. Поскольку мы осознавали, что часть вопросов носила сензитивный характер, мы оставляли возможность пропустить бóльшую часть пунктов, не ставя никаких пометок. Частично заполненные анкеты не исключались из анализа.

Таблица 1. Статистика заполнения анкеты (абсолютные числа)

	A	B	C	D	Всего
Число открытий анкеты	457	414	466	415	1752
Уникальных пользователей	318	322	322	331	1293
Уникальных пользователей, прошедших первый вопрос	263	268	242	264	1037
Уникальных пользователей, прошедших анкету до конца (Q28)	205	210	193	210	818

4 Отметим, что доля зарегистрированных в РИНЦ среди активных ученых, таким образом, составила 93,8% — покрытие, близкое к полному.

5 Некоторые анкеты были заполнены по несколько раз. Самой частой причиной этого, похоже, было то, что индивиды, пройдя первые несколько вопросов, решали заполнить анкету позже, а Survey Studio, к сожалению, не позволяет в таких случаях вернуться к уже частично заполненному варианту, если между открытиями прошло более нескольких часов. Мы оставляли в базе тот из вариантов, в котором было пройдено больше вопросов. В случаях, когда по одной ссылке несколько анкет были заполнены полностью, мы оставляли анкету, заполненную раньше других, удаляя остальные (таких случаев было менее десятка).

Итого анкету прошли до конца 22% тех, кому она была отправлена, — существенно больше, чем обычно имеет место в случае онлайн-опросов, для которых 10% считается приемлемым результатом (Van Selm and Yankowski, 2006). Результат можно считать тем более удовлетворительным, если учесть, что примерно 20% анкет не были доставлены, т. к. почтовый ящик более не существовал или был переполнен и в еще неизвестном количестве случаев абоненты им просто не пользовались и поэтому не видели нашего письма⁶.

Были ли полученные результаты смещены по отношению к нашей генеральной совокупности приглашенных к опросу? Мы контролировали соответствие по ключевому параметру — по месту работы авторов. Распределение по первым 10 организациям приводится ниже в таблице 2. Мы видим высокую степень соответствия: отклонения доли социологов из данной организации в нашей выборке от их доли в генеральной совокупности остаются в пределах 2%. Главным отличием может считаться несколько бóльшая концентрация ответивших в нескольких крупнейших организациях. В пяти из них (ФНИСЦ РАН⁷, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, СПбГУ и УрФУ) сконцентрированы 21% авторов, отобранных в РИНЦ, и 28% ответивших на наши вопросы. С учетом этого наше решение задачи формирования представительной выборки можно считать успешным.

Таблица 2 дает некоторое представление о том, в каких организациях работает большинство активно публикующихся российских социологов.

6 Надо отметить, что наш позитивный опыт свидетельствует, что возможности сайта elibrary.ru могут быть широко использованы для проведения опросов представителей дисциплин по любым темам.

7 Как мы выяснили в ходе обработки этого массива, далеко не все социологи точно указывают, как называется их организация. Для генеральной совокупности данные об аффилиации мы взяли из РИНЦ, для выборочной совокупности — из профилей респондентов, разрешивших нам использовать таковые, или из ответа на прямой вопрос о месте работы для тех, кто не дал разрешения. Профили РИНЦ заполняются вручную при регистрации и, соответственно, содержат многочисленные опечатки и неточности. Так, многие сотрудники указывали своим местом работы ИСПИ РАН, хотя это учреждение в 2019 году вошло в состав Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и теперь называется ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 2. Распределение российских социологов по месту работы, первые 10 организаций, (для генеральной совокупности N = 3689, для выборочной N = 820)

Организации в генеральной совокупности	N	%	Организация в совокупности ответивших авторов	N	%
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН	195	5,3	Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН	51	6,2
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	180	4,9	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	50	6,1
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	153	4,1	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	49	6,0
Санкт-Петербургский государственный университет	141	3,8	Санкт-Петербургский государственный университет	49	6,0
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина	101	2,7	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина	31	3,8
Российский государственный социальный университет	96	2,6	Южный федеральный университет	15	1,8
Южный федеральный университет	94	2,5	Российский государственный социальный университет	13	1,6
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	86	2,3	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	12	1,5
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского	46	1,2	Институт социально-политических исследований РАН	11	1,3
Белгородский государственный национальный исследовательский университет	45	1,2	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	11	1,3

Репутации

Персональные репутации

Респондентам задавались четыре варианта вопроса, которые должны были охватить разные грани академической репутации. В ходе первой волны в подвыборке А их спрашивали: (1) *«Кого из ныне здравствующих коллег [они] бы номинировали для получения почетной медали за важный вклад в развитие социологии в России»* и (2) *«Кто... за последние годы опубликовал исследования, оказавшиеся полезными в лично [их] исследовательской работе»*. В подвыборке респондентов спрашивали: (3) *«Кого из российских социологов [они] предложили бы включить в общенациональное жюри экспертов, оценивающих работу коллег (например, в экспертный совет ВАК, в жюри конкурса, распределяющего исследовательское финансирование)»* и (4) *«Кто опубликовал за последние годы исследования, показавшиеся [респонденту] особенно важными и интересными (не обязательно в области специализации [респондента])»*.

Можно было ожидать, что ответы дадут различный набор фамилий. Так, кажется, что почетная медаль предполагает *lifelong achievement* и ответом на этот вопрос будет список ветеранов социологии, в то время как недавняя публикация важных статей принесет больше имен молодых ученых. Мы рассчитывали также, что распределение имен авторов повлиявших работ должно быть наименее концентрированным, поскольку респонденты сами работают в разных областях и, соответственно, повлиять на них могли специалисты разного профиля. Далее, мы ожидали, что список номинантов в жюри будет отличаться от списка влиятельных фигур, поскольку от первых требуется широта взглядов и беспристрастность, иногда полностью отсутствующая у самых оригинальных мыслителей. Фактическое распределение двадцати чаще всего упоминаемых фигур по каждой из номинаций приводятся в таблице 3.

Как показывает даже беглый взгляд на таблицу 3, списки имен, полученных при ответах на разные вопросы, в значительной мере совпадали⁸. В общей сложности, 10 человек оказались во всех четырех списках, еще 10 — в трех из четырех, 6 — в двух и 12 — только в одном, причем в значительном большинстве случаев эти 12 делят с кем-то последние строчки. В трех из четырех списков наибольшее число упоминаний приходится на одну и ту же тройку имен — Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков и В. В. Радаев, и лишь в списке авторов наиболее повлиявших работ Радаева сменяет Ю. А. Зубок⁹.

⁸ Одной из причин могло стать то, что между ответами на вопросы одной анкеты существовала очевидная контаминация — примерно половина имен каждый раз встречалась в ответе и на первый, и на второй вопрос, хотя те были намеренно сформулированы и скомбинированы так, чтобы максимизировать различия. При этом в ответе на второй вопрос поступало меньше имен, чем в ответе на первый. С учетом этого мы сочли, что задавать два репутационных вопроса одному респонденту бессмысленно, и на второй волне оставили единственный вариант — вопрос о повлиявших на работу респондента результатах (выборка С) и жюри (D). С этим связаны различия в общем числе ответов на разные вопросы.

Таблица 3. Рейтинг российских социологов по количеству упоминаний в четырех номинациях

Место	Медаль		Интересные		Жюри		Полезные		Сумма	
	Имя	Кол-во	Имя	Кол-во	Имя	Кол-во	Имя	Кол-во	Имя	Кол-во
1	Тощенко Ж. Т.	50	Горшков М. К.	31	Тощенко Ж. Т.	57	Тощенко Ж. Т.	60	Тощенко Ж. Т.	190
2	Радаев В. В.	26	Тощенко Ж. Т.	23	Горшков М. К.	49	Горшков М. К.	59	Горшков М. К.	164
3	Горшков М. К.	25	Радаев В. В.	19	Радаев В. В.	42	Зубок Ю. А.	38	Радаев В. В.	108
4	Дробижеева Л. М.	23	Вахштайн В. С.	12	Зубок Ю. А.	35	Дробижеева Л. М.	32	Зубок Ю. А.	97
5	Зборовский Г. Е.	17	Зубок Ю. А.	11	Филиппов А. Ф.	32	Голенкова З. Т.	23	Дробижеева Л. М.	89
6	Голенкова З. Т. Вахштайн В. С. Девятко И. Ф.	15	Дробижеева Л. М. Тихонова Н. Е. Рогозин Д. М.	10	Вахштайн В. С.	30	Лапин Н. И.	23	Вахштайн В. С.	77
7	Зубок Ю. А. Филиппов А. Ф.	13	Лапин Н. И. Гофман А. Б.	8	Дробижеева Л. М.	24	Радаев В. В.	21	Филиппов А. Ф.	62
8	Кравченко С. А.	12	Филиппов А. Ф.	7	Девятко И. Ф.	22	Вахштайн В. С.	20	Зборовский Г. Е.	56
9	Лапин Н. И.	11	Зборовский Г. Е. Кравченко С. А. Яницкий О. Н. Соколов М. М. Иванов Д. В.	6	Зборовский Г. Е. Черныш М. Ф.	21	Тихонова Н. Е.	18	Девятко И. Ф.	53
10	Гофман А. Б. Бороноев А. О.	10	Шереги Ф. Э. Черныш М. Ф. Омельченко Е. Л.	5	Ярская Смирн. Е. Р.	20	Рогозин Д. М. Яницкий О. Н.	17	Голенкова З. Т. Рогозин Д. М.	51
11	Здравомыслова Е. А. Саралиева З. М. Осипов Г. В.	9	Абрамов Р. Г. Волков В. В. Голенкова З. Т. Гудков Л. Д. Девятко И. Ф. Константиновский Д. Л. Осадчая Г. И. Островская Е. А. Силласте Г. Г. Тихонов А. Л. Хагуров А. А. Юдин Г. Б. Ярская-Смирн. Е. Р.	4	Рогозин Д. М. Соколов М. М.	19	Кравченко С. А. Мукомель В.	13	Тихонова Н. Е.	50

9 Говоря об этой части исследования, необходимо отметить возникающие проблемы с кодировкой. Возникали сложные случаи, когда, несмотря на просьбу предоставить Ф. И. О., респонденты указывали только фамилию, например «Волков» или «Кравченко». Учитывая распространенность социологических династий, даже редкие фамилии, например «Ярская-Смирнова», не гарантируют однозначной идентификации. Мы удаляли из списка подобные случаи, если имелось несколько номинантов с полными Ф. И. О., к которым могла относиться неполная запись. Другой проблемой было исправление опечаток или ошибок, например «Радаев Вячеслав», «Ядов В.И.», «Яицкий» вместо «Яницкий», «Баранов Асалхан Ользонович» «Здравомыслова Екатерина» «Здравомыслова Елена Александровна». Общим правилом было считать, что респондент может перепутать одну букву в фамилии, если даются И. О., или перепутать имя или отчество (но не то и другое сразу), если все в порядке с фамилией и она уникальна в выборке. Отдельной проблемой стал Иван Низгораев (онлайн-псевдоним Д. М. Рогозина). С точки зрения перспектив воспроизводства нашего исследования в других дисциплинах важно упомянуть, что эта работа вряд ли может быть произведена аутсайдером.

Место	Медаль	Интересные	Жюри	Полезные	Сумма	
12	Волков В. В. Гудков Л. Д. Гурко Т. А. Соколов М. М. Шереги Ф. Э. Ярская-Смирнова Е.	8	Гофман А. Б. Покровский Н. Е.	17 Девятко И. Ф. Зборовский Г. Е. Соколов М. М. Шереги Ф. Э. Вишневский Ю. Р. Омельченко Е. Л.	12 Лапин Н. И.	49
13			Скворцов Н. Г.	16 Гудков Л. Д. Здравомыслова Е. А. Тихонов А. В.	11 Соколов М. М.	45
14			Тихонова Н. Е. Волков В. В. Добренёв В. И.	15	Кравченко С. А. Гофман А. Б.	43
15			Гудков Л. Д. Иванов Д. В.	13	Ярская Смирн.Е. Р.	42
16					Яницкий О. Н.	39
17					Гудков Л. Д.	36
18					Черныш М. Ф.	35

Есть лишь два случая, когда попавший в первую десятку в одной номинации опустился ниже первой двадцатки хотя бы в одной из трех других номинаций. Можно сделать вывод, что профессиональный статус — весьма обобщенная категория, а репутация менее специфична, чем можно было предполагать, и, по факту, представляет собой комплексную оценку научного вклада и профессиональных достоинств индивида. В этом смысле точная формулировка вопроса не имеет такого уж большого значения¹⁰. С учетом этого мы использовали для некоторых дальнейших расчетов сумму показателей (в последнем столбце), очевидным преимуществом которой как переменной было большее число наблюдений¹¹.

Таблица 3 позволяет нам также сделать некоторые интересные наблюдения относительно социологии в России. Подавляющее большинство перечисленных социологов живет в Москве (из первой десятки обобщенного рейтинга только Г. Е. Зборовский живет в Екатеринбурге). Судя по сайтам и по аффилиациям, указанным в публикациях, 9 из 20 социологов аффилированы с Институтом социологии РАН (еще одна человек — Ю. А. Зубок — с ИСПИ ФНИСЦ РАН), 7 — с НИУ ВШЭ, причем по

10 Возможно, респонденты предполагали, что исследователи заинтересованы именно в такой обобщенной репутации, и отвечали на программный, а не анкетный вопрос.

11 Тем не менее при ближайшем рассмотрении мы можем заметить, что наши ожидания относительно «работы» разных вопросов были не вполне необоснованными. Между полученными списками были определенные различия. Так, в числе номинантов на медаль, несмотря на прямую просьбу называть только здравствующих в настоящее время коллег, 5 раз упоминался В. А. Ядов и другие уже скончавшиеся социологи старшего поколения (имена были удалены из анализа); с другими списками подобного не происходило. Мы сразу замечаем в списке «медалистов» имена ключевых фигур в институционализации российской социологии (А. О. Бороноев, Г. В. Осипов), в других списках отсутствующие. Кроме того, средний возраст в списке «медалистов» отчетливо выше, чем в списке полезных авторов. Корреляция Спирмена между числом номинировавших индивида на получение медали и возрастом составляла 0,237, а между числом назвавших его/ее работу полезной и возрастом — 0,120. Свои особенности можно усмотреть и в других списках. Но тем не менее сходства явно перевешивают различия.

крайней мере четверо (Л. М. Дробижева, И. Ф. Девятко, Н. Е. Тихонова, А. Б. Гофман) работают сразу в обоих заведениях. Оставшиеся трое — В. С. Вахштайн, Д. М. Рогозин, А. Ф. Филиппов — были аффилированы с обеими этими организациями в недавнем прошлом. Со сравнительной точки зрения российский академический мир больше всего похож на французский: он управляется истеблишментом из небольшого числа столичных учреждений.

Рейтинг учебных заведений

Первым видом регулярно издающихся академических репутационных рейтингов был рейтинг департаментов, предлагающих учебные программы по той или иной дисциплине (Кинчарова, 2014)¹². Однако хотя всевозможные рейтинги вузов играли в жизни российских ученых с момента старта программы «5/100» столь существенную роль, отечественных дисциплинарных рейтингов до сих пор не появилось¹³. Наше исследование может считаться первой попыткой создания такого для социологии. Первой волне опрошенных (подвыборки А и В) мы задали два вопроса:

Представьте себе, что кто-то из знакомых просит посоветовать лучшее учебное заведение в России для ребенка, заканчивающего школу и интересующегося социологией. Ориентируясь только на уровень преподавания в вузе, Вы бы посоветовали поступать в бакалавриат в ...

(Укажите, пожалуйста, до 5 названий в формате «Название вуза — название филиала»);

Представьте себе, что кто-то из знакомых просит посоветовать лучшее учебное заведение России для выпускника программы бакалавриата, планирующего продолжить обучение и серьезно заняться наукой. Ориентируясь только на уровень преподавания в вузе, Вы бы посоветовали поступать в магистратуру в ... (Укажите, пожалуйста, до 5 названий в формате «Название вуза — название филиала»).

Отвечавшим предлагался список подсказок, который был взят с сайта «Поступай правильно» и, по идее, содержал названия всех учебных заведений с программами по социологии и/или социальной работе (241 на уровне бакалавриата и 243 на уровне магистратуры). Результаты (таблицы 4 и 5, в которых приведен список вузов, набравших более десятка упоминаний) вновь продемонстрировали концентрацию признания в руках немногочисленного истеблишмента, на этот раз институционального. Более половины всех упоминаний на уровне бакалавриата (493 из 881 ответа, данного респондентами, — 56%) приходится всего на три учебных заведения (если мы объединим петербургский и московский кампусы НИУ ВШЭ). На уровне магистратуры концентрация чуть ниже, а к «большой тройке» добавляются

12 Рейтинги департаментов в США выходят с 1960-х и до сих пор играют в жизни американских ученых роль куда более существенную, чем глобальные университетские рейтинги, появившиеся уже в 2000-х (Espeland and Sauder, 2007).

13 Частичным исключением может считаться рейтинг «Эксперта», однако социология в нем фигурирует лишь как часть обобщенных «общественных наук». Ссылка на рейтинг:

<http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/predmetnyy-reyting-nauchnoy-produktivnosti-vuzov---2.html>

Европейский университет и «Шанинка» (МВШСЭН), но на «тройку» все равно приходится 51% номинаций. Московский кампус НИУ ВШЭ в обоих опросах назвали по 39% тех, кто отвечал на этот вопрос. Некоторым приятным разнообразием можно считать только то, что к московским здесь прибавились петербургские вузы.

Таблица 4. Рейтинг социологических программ бакалавриата, число упомянувших и доля упомянувших от числа ответивших (N = 454)

Университет	Н упоминаний	Доля упомянувших, %
Высшая школа экономики	178	39,2
Московский государственный университет	134	29,5
Санкт-Петербургский государственный университет	118	26,0
Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)	63	13,9
Уральский федеральный университет	41	9,0
Российский государственный гуманитарный университет	32	7,0
Российская академия народного хозяйства и гос. службы	26	5,7
Московский государственный институт международных отношений	22	4,8
Нижегородский государственный университет	22	4,8
Российский университет дружбы народов	17	3,7
Новосибирский государственный университет	16	3,5
Российский государственный социальный университет	16	3,5
Томский государственный университет	11	2,4

Интересно, что рейтинг департамента в глазах коллег кажется сравнительно независимым как от «звездности» преподавателей, так и от его размера. Так, в обоих рейтингах на второй строчке располагается соцфак МГУ, хотя в списках первых двадцаток он едва присутствует, а по числу публикующихся преподавателей уступает шести другим вузам (правда, для РАНХиГС было невозможно отделить метрополию от многочисленных филиалов). Это подтверждает сделанный на американском материале вывод (Keith and Babchuk, 1998), согласно которому репутация департамента преимущественно определяется репутацией вуза, частью которого этот департамент является¹⁴. Соцфак МГУ, наследующий ореол «главного вуза страны», занимает в рейтинге значительно более высокое положение, чем РАНХиГС или Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), на которых фактически работает значительная часть дисциплинарной элиты.

¹⁴ В этом смысле есть некоторые сомнения, что приходящая на ум многим менеджерам идея «раскрутить» факультет, наняв на него звезд, в полной мере работоспособна.

Таблица 5. Рейтинг социологических программ магистратуры (N = 448)

Университет	Н упоминаний	Доля упомянувших, %
Высшая школа экономики	173	38,6
Московский государственный университет	127	28,3
Санкт-Петербургский государственный университет	97	21,7
Московская высшая школа социальных и экономических наук	72	16,1
Европейский университет в Санкт-Петербурге	60	13,4
Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)	59	13,2
Уральский федеральный университет	34	7,6
Российская академия народного хозяйства и государственной службы	27	6,0
Московский государственный институт международных отношений	24	5,4
Российский государственный гуманитарный университет	19	4,2
Нижегородский государственный университет	15	3,3
Томский государственный университет	12	2,7
Новосибирский государственный университет	11	2,5
Российский университет дружбы народов	11	2,5
Государственный академический университет гуманитарных наук	10	2,2

Репутации журналов

Наконец, мы поставили эксперимент с изучением репутаций периодических изданий. Вначале, в первой волне, мы задали открытый вопрос: *«Какие из русскоязычных журналов по социальным наукам на протяжении последних лет чаще всего публиковали статьи, которые были интересными для Вас и полезными Вашей научной работе?»*, используя в качестве подсказки список журналов по тематике «Социология» из РИНЦ.

Список отобразил еще большую концентрацию, чем в случае с учебными заведениями: из 662 упоминаний журналов 130 приходилось на журнал «Социологические исследования» (СОЦИС) — его отметили 54% ответивших на вопрос. Следующие издания следовали с большим отрывом. СОЦИС сохранил свое положение с 2008 года, когда аналогичный вопрос задавался участниками Третьего Всероссийского социологического конгресса в Москве¹⁵. Осталось прежней и вторая строчка («Социологический журнал»), а «Журнал социологии и социальной антропологии» переместился с четвертой строчки на третью, заняв место потерявшей позиции «Социологии 4М». Список изданий, набравших более 1% голосов, приводится в таблице 6 вместе с числом упомянувших их. Надо добавить, что из 99 изданий, которые

¹⁵ Материалы опроса участников III Всероссийского социологического конгресса // Институт социологии ФНИСЦ РАН. 2008. URL: https://www.isras.ru/files/File/VSK-report/Opros_itog.pdf (дата обращения 19.10.20, доступ свободный).

РИНЦ считает социологическими, 36 не были упомянуты ни одним из опрошенных, а еще 17 — упомянуты однажды.

Таблица 6. Рейтинг русскоязычных журналов по социальным наукам (N = 241)

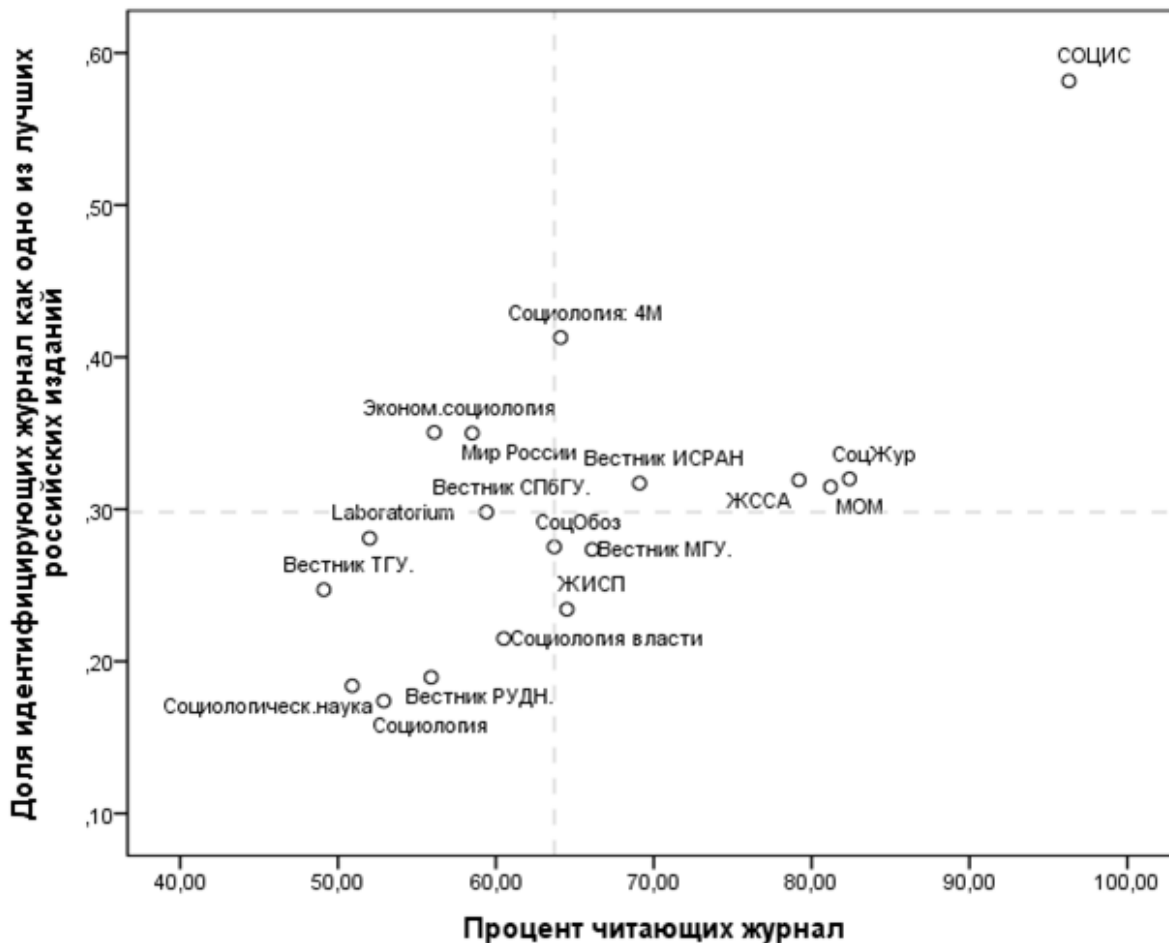
Журналы	Н упоминаний	Доля упомянувших, %
Социологические исследования	130	53,9
Социологический журнал	50	20,7
Журнал социологии и социальной антропологии	43	17,8
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	40	16,6
Вестник Института социологии	32	13,3
Мир России. Социология. Этнология	29	12,0
Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология	27	11,2
Журнал исследований социальной политики	24	10,0
Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология	20	8,3
Социологическое обозрение	19	7,9
Экономическая социология	19	7,9
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология	18	7,5
Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология	17	7,1
Социология власти	16	6,6
Laboratorium: журнал социальных исследований	15	6,2
Социология: методология, методы, математическое моделирование	15	6,2
Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований	11	4,6
Социологическая наука и социальная практика	10	4,1
Социология	8	3,3

Во второй волне, мы попросили тех, кто сообщил, что читает не меньше нескольких статей в год из российских журналов (таких было, впрочем, 99% от ответивших), определить со своим отношением к этому списку¹⁶. Вопрос звучал как «Если попытаться дать общую оценку качества статей (их теоретический и методический уровень, важность затронутых тем), публиковавшихся в последние годы в следующих изданиях, то как бы Вы оценили их в сравнении с другими русскоязычными журналами?». Предлагалась 5-частная шкала, на полюсах которой были значения «Далеко не лучший» и «Один из лучших». Как показали результаты, вопрос и шкала, по всей видимости, были неидеальными, потому что задавали для сравнения низкую базу изданий, у которых авторов больше, чем читателей. В

¹⁶ Мы с сожалением исключили из этого списка петербургский «Телескоп», который объявил о прекращении выпуска в конце 2019 года.

результате вариант ответа «Далеко не лучший» использовался сравнительно редко. Тем не менее мы наблюдали значительный разброс в оценках. На рисунке 1 отражаются позиции журналов в пространстве, заданном процентом читающих (тех, кто указал, что читает статьи из данного журнала хотя бы время от времени) и оценкой журнала в качестве эталонного (доля выбравших вариант ответа «Один из лучших»).

Рисунок 1. Соотношение размеров аудитории издания и его оценки в качестве эталонного

Мы видим отчетливую связь между размером аудитории и уверенностью в том, что данное издание, безусловно, является одним из лучших. СОЦИС занимает господствующее положение; создается впечатление, что остальные издания как будто делятся на два слоя, которые при равном размере аудитории имеют разную долю считающих их образцом. Особенно интересно здесь положение «Социологии 4М», которая, при седьмой по размеру аудитории, занимает уверенное второе место по доле этой аудитории, считающей ее одним из лучших изданий.

Уровень консенсуса и структура сообщества

Номинации в качестве заслуженного или влиятельного ученого могут считаться голосами за кандидата. Но что если у многих помимо рейтинга есть еще более массивный антирейтинг и большинство коллег будет энергично возражать против присвоения им почетной награды? Возможно ли также, что их известность ограничена пределами узкой секты, а большинство просто не подозревает об их существовании? Чтобы понять, может ли иметь место нечто подобное, мы задали во второй волне закрытые вопросы об отношении к двадцати индивидам, представляющим разные организации. Большинство из тех, о ком мы спрашивали, часто упоминались во время опроса и присутствуют в таблице 3. Мы также добавили два типа фигур. Во-первых, мы включили некоторых из тех, кто упоминался сравнительно редко, но при этом имел внушительные показатели цитирования (например, С. И. Самыгин из ЮФУ или Я. И. Гилинский, в настоящее время работающий в РГПУ им. Герцена). Во-вторых, мы добавили наиболее заметных медийно персон, таких как В. В. Федоров и Г. Б. Юдин¹⁷. Вопрос звучал так: *«На предыдущем этапе этого исследования мы попросили опрошенных номинировать российских социологов, которые “опубликовали наиболее важные и интересные исследования”. Сейчас мы хотели бы оценить степень консенсуса по поводу таких оценок. Ниже приводятся некоторые из упомянутых персоналий. Мы попросим Вас сказать, знакомы ли Вы с их работой и в какой мере Вы согласны с ее оценкой как “наиболее важной и интересной”?»*. Распределение ответов для 505 человек, ответивших этот вопрос, приводятся в таблице 7.

Мы видим здесь, что негативные ответы представляют собой довольно редкое явление, составляя не более 18% от абсолютного числа ответов и не более 32% от определенных ответов (то есть всех, помимо ответа «Не знаком с его/ее работой»). Среднее составляет 6,8% и 17,6%. Во всех случаях одобрительные ответы составляли большинство. В этом плане мы как будто не сталкиваемся со свидетельствами наличия известных фигур, отношение к которым за пределами их фан-групп преимущественно негативное; виденье российской социологии как мира воюющих «академических банд» (Scheff, 2005) несправедливо.

17 Уже после того, как мы провели наш опрос, Центр политической конъюнктуры опубликовал рейтинг социологов-практиков (<https://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/rejting-sotsiologov-praktikov/>), представлявший собой комбинацию четырех показателей: (1) упоминаемости в массмедиа (основана на данных «Медиалогии»); (2) анкетирования экспертов, которым *«предлагалось назвать коллег, за которыми они следят в СМИ или соцсетях, чьи публикации чаще всего им встречаются, и мнение [которых] вызывает наибольший интерес»* (число анкетированных не указано, а запрошенные разъяснения ЦПК не предоставил, но по распределению цифр можно заключить, что экспертов было 10 человек); (3) количества подписчиков в Facebook; (4) «оценки активности» — загадочный показатель, отражающий, видимо, мнения самих составителей рейтинга об академической и публичной видимости фигурантов. При всей спорности показателей и способа их исходного отбора (непонятно, в частности, как в этот список попал политтехнолог В. Потуремский), появление этого рейтинга нельзя не приветствовать как попытку оценить репутации социологов в их публичной роли. Мы с удовольствием обнаружили, что правильно угадали две наиболее публично видимые фигуры — В. В. Федорова и Г. Б. Юдина.

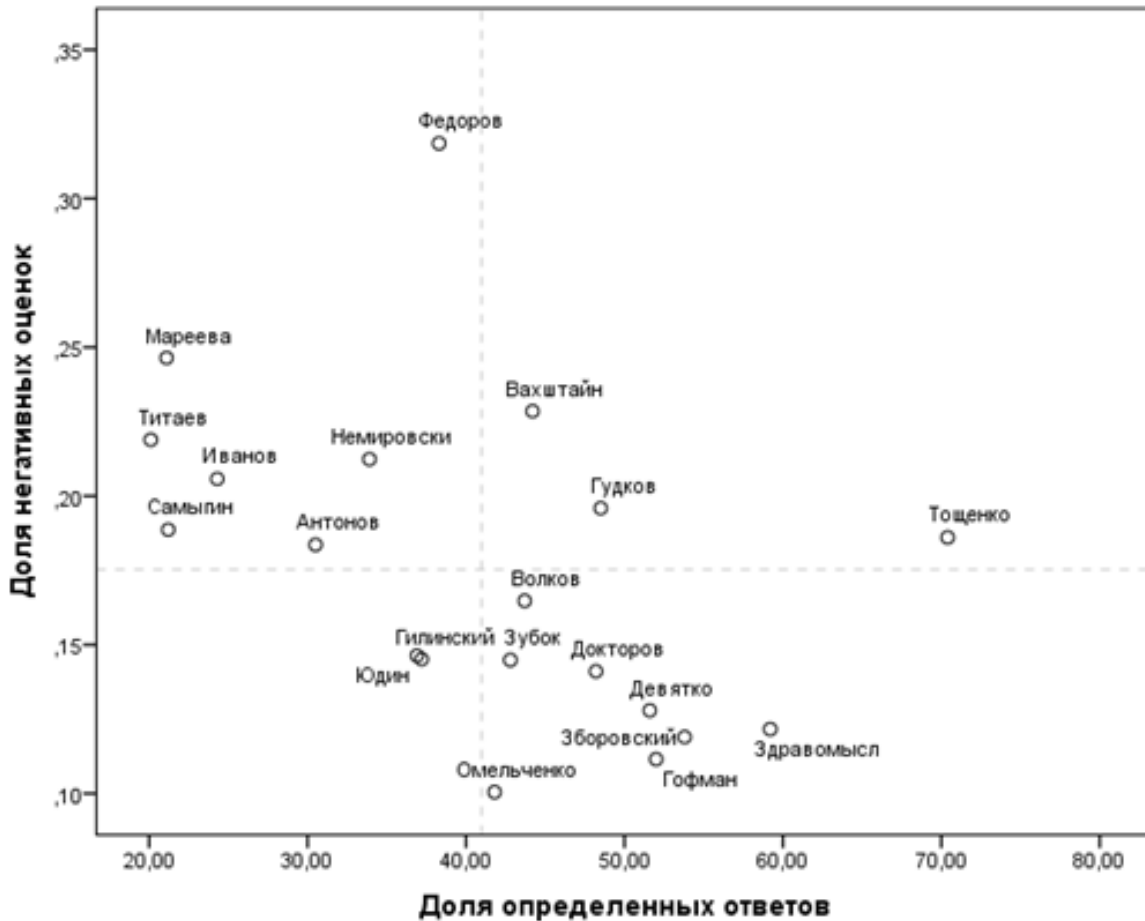
Таблица 7. 20 российских социологов: отношение к их работе, в % от числа ответивших (N = 505)

Социологи	Не согласен	Скорее не согласен	Среднее	Скорее согласен	Согласен	Не знаком с его/ее работой
Антонов А. И.	3,4	4,6	8,5	9,3	17,9	56,2
Вахштайн В. С.	7,1	7,2	14,3	14,9	19,1	37,5
Волков В. В.	5,8	4,2	14,0	17,6	19,0	39,5
Гишинский Я. И.	4,0	3,7	9,6	14,5	21,5	46,6
Гофман А. Б.	2,9	5,5	12,2	19,4	34,8	25,3
Гудков Л. Д.	6,3	7,3	14,9	15,5	25,0	31,0
Девятко И. Ф.	4,5	4,8	8,8	20,3	33,9	27,8
Докторов Б. З.	3,7	6,0	13,0	19,0	27,2	31,2
Зборовский Г. Е.	5,6	3,3	13,2	20,2	32,6	25,1
Здравомыслова Е. А.	4,7	5,2	11,9	20,5	38,7	19,0
Зубок Ю. А.	4,5	4,2	9,4	14,5	27,6	39,8
Иванов Д. И.	5,0	2,3	7,4	10,4	10,4	64,5
Мареева С. В.	3,3	4,4	5,9	11,4	6,2	68,9
Немировский В. Г.	4,7	5,9	10,4	14,2	14,5	50,4
Омельченко Е. Л.	2,9	3,2	12,8	15,1	26,2	39,9
Самыгин С. И.	3,0	3,0	8,8	10,3	6,5	68,5
Титаев К. Д.	3,3	3,3	7,5	9,5	6,6	69,9
Тощенко Ж. Т.	10,7	6,2	6,5	13,0	54,5	9,2
Федоров В. В.	10,2	7,8	9,6	11,3	17,5	43,4
Юдин Г. Б.	3,8	4,1	10,9	15,5	19,2	46,7

В этих выводах необходимо, однако, проявлять осторожность — неодобрительные ответы могут маскироваться под отказ оценивать чужую работу, поскольку: а) часть индивидов выбирает неопределенный ответ, избегая более грубого «Не согласен», б) само по себе отсутствие знакомства является отрицательной оценкой — мы не читаем то, что нам не кажется важным и интересным. Если подобный механизм работает, мы можем ожидать наличия значимой положительной корреляции между числом неопределенных и числом негативных ответов. Однако, как показывает рисунок 2, имеет место прямо противоположное. Доля определенных ответов отрицательно коррелирует (на уровне коэффициента Спирмена 0,55) с числом негативных оценок. Это можно объяснить тем, что известность коррелирует с качеством работы — лучшие ученые становятся наиболее известными. С другой стороны, в отношении статуса более известных фигур существует явный консенсус, от которого индивид не хотел бы отклоняться, в то время как в отношении младших и менее известных каждый из нас

может не подавлять своей враждебности. Два явно отклоняющихся от общей линии случая — В. В. Федоров и Ж. Т. Тощенко. К ним мы еще вернемся ниже¹⁸.

Рисунок 2. 20 российских социологов: соотношение определенных ответов и всех негативных оценок помимо ответа «Не знаком с его/ее работой»

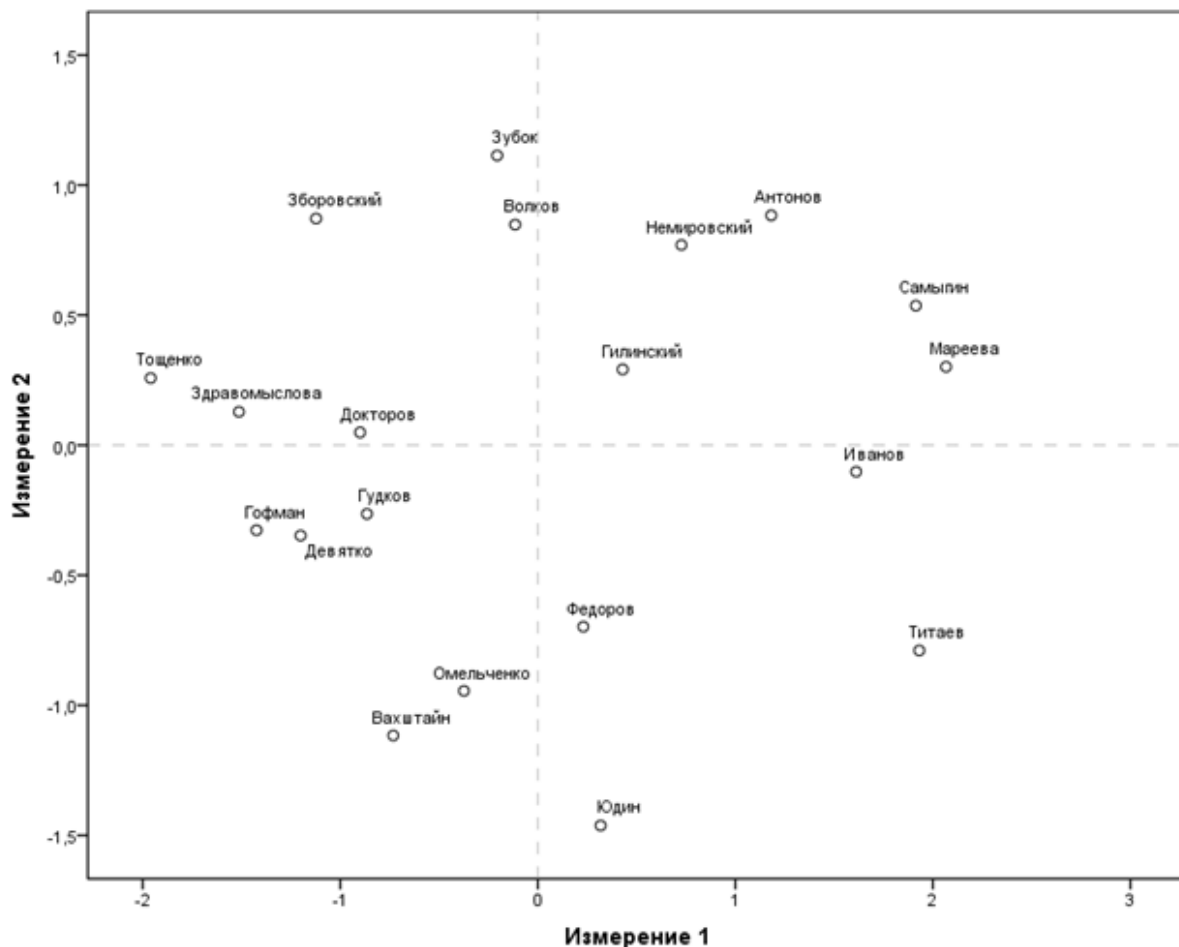

18 Еще один вопрос, на который наш закрытый список позволяет ответить: правда ли легче всего приходящие на ум имена принадлежат самым ценным коллегам? Не может ли быть так, что одни фигуры легче вспоминаются, а другие — выше ценятся? При общей высокой оценке их заслуг они могут выпадать из числа тех, кого вспоминают в первую очередь. Мы проверили гипотезу о таком расхождении на микровыборке в 20 индивидов и не нашли ей явных подтверждений. Так, известность, измеренная через прямой вопрос об отношении, и частота упоминаний в репутационном рейтинге оказались скоррелированы на уровне 0,69 — статистически значимо даже для выборки в 20 наблюдений. Существуют, однако, некоторые многозначительные расхождения. «Недооцененными» в смысле упоминаемости оказались, в частности, Я. И. Гилинский (возможно, из-за идентификации в первую очередь как юриста и криминолога, а не социолога) и Б. З. Докторов (в последнее десятилетие известный прежде всего проектом по устной истории социологии, который может не восприниматься как социологическое исследование). Автор этого текста, уже заполнив им же самим сочиненный вопрос, поймал себя на том, что в перечень авторов важных и интересных социологических исследований не поместил тех, кого, по зрелом размышлении, хотел бы в этот перечень добавить (если кому-то интересно, это С. Г. Кордонский и Н. А. Митрохин, еще два «нетипичных» социолога).

Однако если ответ «Не знаком с его/ее работой» действительно означает отсутствие осведомленности, мы вынуждены констатировать, что даже пользующиеся наибольшим авторитетом российские социологи неизвестны значительной части коллег. Так, о работах занимающей четвертую строчку в нашем обобщенном рейтинге Ю. А. Зубок не знают 39% публикующихся российских социологов, о работах располагающегося на шестой строчке В. С. Вахштайна — 36% и так далее.

Как устроено «пространство внимания» (Collins, 1989) российской социологии, если даже обладатели самых известных имен в нем известны далеко не всем? Мы попробовали понять это, проведя многомерное шкалирование ответов на вопрос об отношении к работам 20 российских социологов. Для этого мы превратили ответы в бинарные (знаком — не знаком с его/ее работами), исключив случаи, в которых было пропущено значительное число фамилий. Результаты шкалирования (ALSCAL, двумерное решение, стресс = 0,13) представлены на рисунке 3.

Рисунок 3. 20 российских социологов: осведомленность коллег об их работах, многомерное шкалирование (N = 345)

Двумерное решение выделило два измерения. Первое демонстрирует известность соответствующих фигур: на одном полюсе находится Ж. Т. Тощенко, на другом — значительно менее известные и часто младшие по возрасту социологи. Второе

измерение (шкала «Зубок — Вахштайн») не поддается такой простой интерпретации¹⁹. Чтобы интерпретировать его, мы изучили связи позиций, занимаемых индивидами в нем, с рядом переменных, включая области специализации, академические идеологии и представления о составляющих научной репутации.

Области специализации. Самым очевидным объяснением, почему ученые не осведомлены о работе друг друга, может быть то, что они просто работают в разных областях, и тогда нашему второму измерению может соответствовать дихотомия вроде макро- и микросоциологии (о подобных измерениях в группировке специализаций в американской социологии смотри, например, Ennis, 1992). Чтобы проверить, может ли это происходить в нашем случае, мы попросили респондентов выбрать свои области исследовательских интересов в списке из 98 пунктов²⁰. Затем мы построили на основании полученных ответов унимодальную сеть²¹, в которой вес связи между двумя темами соответствовал числу людей, выбравших эти темы одновременно. Мы смогли таким образом разделить темы на широкие тематические группы — кластеры. Результаты этого анализа представлены на рисунке 4. Модулярность полученной сети при 8-кластерном распределении составила 0,31, что соответствует выраженной, но не экстремальной сегментации.

19 Добавление дальнейших измерений не приносило существенного улучшения модели; так, при введении третьего измерения стресс несколько сокращался (с 0,13 до 0,09), однако однозначной интерпретации оно не поддавалось. На одном его полюсе находились Е. Л. Омельченко и Ю. А. Зубок, на другом — Ю. Г. Волков и В. В. Федоров. Возможно, оно было связано с конкретной тематикой — социологией молодежи.

20 Список был скомпилирован из нескольких источников: (1) наиболее популярные ключевые слова в библиотеке elibrary.ru, (2) список секций Всероссийских социологических конгрессов, (3) список секций и тематических групп Международной и Европейской социологических ассоциаций. В анкете были оставлены свободные поля, в которых респонденты могли указать интересующие их области, отсутствующие в списке, однако частотность указания этих областей была ожидаемо низкой.

21 Эта часть работы была проделана в сотрудничестве с Надеждой Соколовой (НИУ ВШЭ) и повторяла общий подход статьи Sokolov and Sokolova, 2020. Использование community-detection алгоритмов, таких как Лувенский (Louvain) алгоритм, является альтернативой использованию традиционных методов группировок, включая кластерный анализ, — в том смысле, что позволяет работать с разреженными массивами больших данных, хотя и ценой стабильности решений.

Таблица 8. Тематические кластеры с крупнейшими областями интересов, в скобках абсолютное число специализирующихся на каждой из них (N = 827)

	Доля интересующихся, %	Крупнейшие области интересов (в скобках абсолютное число интересующихся)
Теория и история	25,9	Социологическая теория (66), история социологии (35), прикладная социология (34), науки социология (24), преподавание социологии (22)
Неравенство и стратификация	24,5	Структура социальная (54), неравенство социальное (45), социология здоровья и здравоохранения (27), развитие социальное (25), стратификация социальная (240)
Культура и идентичность	34,0	Этничность, этнические конфликты (63), миграция (57), культура, культурная политика, культурное потребление (53), религия (43), ценности, ценностные ориентации (36)
Гендер, семья и социальная политика	21,3	Социология семьи (68), гендер, гендерные исследования (47), социальная политика (35), демография (21), дети, детство (15)
Политика, СМИ и Интернет	31,3	Политическая социология (68), средства массовой коммуникации (56), информационное общество, цифровизация (41), гражданское общество (37), Интернет (22)
Микросоциология и повседневность	16,0	Города социология (55), культурсоциология (40), повседневность (26), визуальная социология (19), пространства социология (14)
Отраслевая социология	48,0	Образования социология (141), социология молодежи (139), социология управления (125), экономическая социология (64), труд, трудовые отношения (61)
Методология и методы	13,4	Методология и методы (61), качественные методы (37), количественные методы (30), опросы, опросные методы (22), математические методы (8)

Академические идеологии. Следующей группой переменных являются академические идеологии, определяющие, как и для кого должны проводиться исследования и какую роль должны играть социологи в обществе. Точные формулировки соответствующих вопросов приведены ниже в таблице 9. Опираясь на литературу, мы выделили следующие дихотомии, которые могут служить основанием для взаимного притяжения или, наоборот, невнимания:

Позитивизм vs. антипозитивизм — возможно, самая универсальная методологическая оппозиция, противопоставляющая тех, кто признает естественные науки ролевой моделью для социологии, тем, кто отвергает их.

Активистская и критическая функция социологии vs. «созерцательная» ориентация на свободное от ценностей познание — в первом случае обычно подразумевается, что социология должна быть обращена на решение конкретных социальных проблем — прежде всего проблем социального неравенства и

дискриминации — и выступать от имени дискриминируемых групп. Во втором случае ее задача понимается как вклад в познание фундаментальной природы социальной организации, вне зависимости от пользы, которое это познание может принести в краткосрочной перспективе.

Глобалистская vs. локалистская ориентация — фокус на интеграцию в мировую (англоязычную) дискуссию или на локальные аудитории. Эта оппозиция структурирует сегодня все не англо-американские академические контексты (Beigel et al., 2018; Sokolov, 2019).

Таблица 9. Соотношение идеологических аттитюдов в среде российских социологов, в % от числа ответивших (N — общее число ответивших)

	N	Совершенно не согласен	Скорее не согласен	Не определился	Скорее согласен	Совершенно согласен
Позитивизм — антипозитивизм						
Социология должна стремиться стать такой же естественной наукой, как физика или химия	786	38,9	25,4	12,6	11,8	11,2
В споре сторонников качественных и количественных методов я скорее на стороне сторонников качественной методологии ²³	788	13,2	20,3	26,5	23,5	16,5
Ангажированность — неангажированность						
Российским социологам следует стремиться к тому, чтобы число женщин среди лидеров дисциплины росло ²⁴	786	23,4	21,5	28,1	16,4	10,6
Социологи не должны смешивать науку и политику; в своей роли исследователя им следует стремиться быть объективными и беспристрастными	789	3,2	6,5	7,7	19,4	63,2
Основной целью социологии должно быть противостояние всем формам социального угнетения	784	15,7	20,2	19,3	24,4	20,5
В социологии научное познание, свободное от ценностей, — это ложный идеал, к которому не надо стремиться	778	16,7	22,1	24,3	20,1	16,8
В своих исследованиях социологам надо сегодня больше думать об описании фундаментальных принципов устройства общества, не о решении его конкретных проблем	787	26,3	37,5	17,4	12,7	6,1
Социологам следует руководствоваться в	792	8,2	17,6	16,5	33,8	23,9

23 Вопрос вызывает нарекание в том смысле, что несогласие может означать как веру в преимущества количественных методов, так и отказ выбирать между методологиями. Мы тем не менее сохранили его в такой форме, чтобы он вписывался в формат других вопросов.

24 Вопрос измерял степень восприимчивости к повестке social justice, которая сейчас играет значительную роль в дисциплинарной жизни американской социологии (Horowitz et al., 2018). Несколько респондентов сочли необходимым специально отметить в форме обратной связи, что для России она нерелевантна.

своей работе прежде всего тем, могут ли их исследования способствовать решению реальных социальных проблем, таких как бедность или преступность						
Проводя исследования, социологи должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства	792	15,9	19,9	17	23,9	23,2
Локализм — глобализм						
Российским социологам следует стремиться к сохранению и развитию национальной социологической традиции	790	9,7	12,4	12,3	27,7	37,8
Российская социология отстала от западной на десятилетия, и мы должны сейчас учиться у западных коллег	787	19,4	28,2	16,5	24,1	11,7
Существование особой российской теории общества так же мало оправдано, как существование особой российской физики или медицины	785	12,9	19,9	16,4	23,4	27,4
Средний методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него	786	16,4	27	21,1	22,6	12,8
Западные теории многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями	788	6,9	15,4	15	33,2	29,6

Можно отметить, что деление вопросов по блокам довольно условно: вера в социологию, созданную по образу и подобию естественных наук, по идее предполагает свободу от ценностей, а предпочтение социологии, служащей интересам своей страны, может пониматься как выражение и социологического активизма, и локализма (подчеркнута важность *своей* страны). Но мы должны признать, что наши умозрительные рассуждения не всегда соответствовали восприятиям респондентов. Многие из них, например, не видели противоречия в том, чтобы согласиться одновременно с тем, что российским социологам надо работать с собственными теоретическими моделями, — и с тем, что существование особой российской теории общества не более оправдано, чем существование особой российской физики. Тем не менее мы произвели разные версии факторного анализа и обнаружили, что в целом блоки вопросов соответствуют обнаруживаемым факторам: как и в более ранних исследованиях (Sokolov, 2019), существует фактор локализма/глобализма и фактор, которым нагружено большинство вопросов, связанных с отношением к активистской или ангажированной социологии. Исключением можно считать то, что вопрос, связанный со служением социологии интересам страны и государства, воспринимается, видимо, скорее как выражение локализма, а не ангажированности.

Суммируя простые распределения, про медианного российского социолога мы можем сказать, что он(а) (1) не готов(а) отказаться от роли беспристрастного и неангажированного эксперта, при этом (2) более ориентирован(а) на решение

прикладных проблем, чем на построение фундаментальной теории и (3) настроен(а) умеренно националистически в смысле поддержки особой российской науки, обращенной к особым проблемам российского общества (хотя и не допуская в этом направлении особых эксцессов).

Измерения репутации. Следующий блок вопросов, который использовался при интерпретации структуры социологического сообщества, касался атрибутов научной репутации ученых. Для этого мы включили в опрос две виньетки следующего содержания. Половину респондентов (подвыборки А и С) мы попросили:

*Представьте себе, что Вы включены в жюри конкурса индивидуальных грантов для молодых ученых, которые позволят тем на протяжении нескольких лет работать автономно, продвигаясь в избранном ими самими направлении. **Помимо содержательной оценки проекта**, одна из задач для жюри состоит в том, чтобы на основании резюме оценить научный потенциал заявителей. Скажите, пожалуйста, придали бы Вы при оценке кандидата значение следующим факторам?*

Далее предлагался список пунктов, в отношении каждого из которых надо было дать ответ по 7-балльной шкале от «Вообще не придам значения» до «Придам первостепенное значение». Второй половине (подвыборки В и D) вопрос задавался в формулировке:

*Представьте себе, что Вы включены в жюри конкурса крупных грантов, направленных на поддержку научных лабораторий, которые позволят тем проводить исследования, пользуясь значительной автономией. **Помимо содержательной оценки поданного проекта**, одной из задач для жюри является определить научный потенциал руководителя. Вам нужно оценить научные заслуги и потенциал руководителя, основываясь на **данных** его резюме. **Придали бы Вы при оценке лидера группы следующим факторам?***

Мы пошли на сокращение объемов выборки, используя две виньетки вместо одной, поскольку статусные сигналы для старшего и младшего ученого по понятным причинам различаются. Целью включения этой переменной в анализ было исследовать показатели научной репутации, альтернативные библиометрическим. Однако эти вопросы позволяли также проверить предположение о том, что разные группы ученых ориентированы на разные идеалы академической жизни (Димке, 2012) — например, на преимущественно международную исследовательскую карьеру или на подготовку кадров в качестве научного руководителя.

В таблице 10 приводятся средние значения важности избранных сигналов для молодого ученого.

Таблица 10. Значимость отдельных атрибутов в оценке молодого ученого (общее число ответивших, средние значения и стандартные отклонения)

Атрибуты	N	Среднее	Стандартное отклонение
Наличие или отсутствие ученой степени	397	4,59	1,92
Опыт руководства кандидатскими диссертациями	385	3,29	1,82
Опыт оппонирования на защитах диссертаций	389	3,20	1,78
Наличие статей в ведущих англоязычных журналах	389	4,70	1,93
Наличие написанных в качестве единственного автора монографий	386	5,17	1,70
Опыт работы приглашенным преподавателем в известном европейском университете	391	4,54	1,90
Активность в качестве популяризатора науки	388	4,35	1,83
То, что заявитель пишет не только для академических изданий, но и регулярно появляется в СМИ	188 ²⁵	3,52	1,84
Активная преподавательская деятельность наравне с исследовательской	197	4,45	1,92

В целом мы видим, что средние значения для большинства показателей сдвинуты к положительному («Придам первостепенное значение») полюсу. Для молодого ученого наиболее важный общепризнанный вклад в репутацию приносит написанная без соавторов монография, а опыт научного руководства диссертациями, оппонирования на защитах и выступления в СМИ, наоборот, воспринимаются как сравнительно маловажные. Мы также вычислили для каждой переменной среднее квадратическое отклонение, которое может служить грубой оценкой уровня консенсуса. Меньше всего консенсуса наблюдалось по поводу того, какое значение в оценке потенциала молодого ученого должно придаваться, с одной стороны, преподавательской активности и наличию ученой степени, а с другой — наличию статей на английском языке и опыту преподавания в «известном европейском университете».

Наконец, последней переменной, которая могла бы структурировать пространства внимания, было **поколение**. Младшие поколения ученых часто получают упреки в «социологической амнезии» (Gans, 1992) — бессознательной готовности забывать работы предшественников с тем, чтобы преувеличить собственную оригинальность. Мы задали вопрос о возрасте респондентов, используя 10-летние интервалы (младше 30, 30–40, 40–50, 50–60, 60–70, старше 70).

Основные результаты представлены в таблице 11. Мы использовали две метрики, обе сравнивающие положения на шкале «Зубок — Вахштайн»²⁶ для разных групп.

²⁵ Два последних пункта были добавлены в анкету второй волны по итогам полученной обратной связи; число ответивших на эти вопросы, соответственно, более низкое.

²⁶ Индивидуальные баллы были вычислены как сумма узнаваний 20 социологов с весами, соответствующими их позициям на рисунке 3; скажем, узнавание Ю. А. Зубок прибавляло баллы, а В. С. Вахштайна — отнимало их. Отметим, что при этом способе расчета и те, кто узнал всех, и те, кто не узнал никого, получили бы 0.

Во-первых, для ранговых переменных (идеологические аттитюды, отношение к атрибутам молодого ученого и возраст) мы вычисляли корреляцию Спирмена и соответствующий уровень значимости. Во-вторых, для категориальных переменных (все те же и области интересов) мы вычисляли размер эффекта для полярных категорий (effect size). Размер эффекта позволяет оценить силу воздействия независимой переменной на зависимую для категориальных переменных и измеряется в стандартных отклонениях. Эффект менее 0,2 может считаться слабым, от 0,2 до 0,5 — ощутимым, от 0,5 до 0,8 — существенным, свыше 0,8 — сильным. Из-за размеров выборки слабые и ощутимые эффекты в основном оценивались как статистически незначимые. Для ранговых шкал мы рассчитывали силу эффекта в отношении полярных категорий (то есть, например, тех, кто выразил твердую уверенность, что российским социологам надо заботиться о национальной социологической традиции, и тех, кто убежден, что этого делать не следует)²⁷. Для атрибутов молодого ученого мы объединили все наблюдения в категориях выше и ниже 4 (среднее значение шкалы), чтобы избежать драматического сокращения выборки.

Основные выводы из нашей таблицы выглядят следующим образом. Тематическая специализация не оказывает практически никакого влияния на вероятность оказаться на том или другом полюсе. Лишь микросоциология и повседневность как будто оказались сдвинуты к «полюсу Вахштайна» (отрицательные значения), однако эффект является умеренным по силе и находится на границах статистической значимости. Мы проверили этот вывод на наиболее популярных отраслях (таких как социологии управления, молодежи или образования — попавших в раздел «отраслевых социологий») и вновь не нашли сдвигов, значимых на уровне, превышающем 0,05. Поляризация пространства внимания не проходит, таким образом, по тематическому признаку, а вероятность знать двух социологов одновременно слабо связана с тем, занимаются ли эти двое какой-то общей проблемой. В данных можно найти значительное число анекдотических примеров этого: скажем, факт знакомства с работами одного из ведущих социологов молодежи Ю. А. Зубок не увеличивает шансов быть знакомым с работами другого ведущего эксперта по этой теме, но тяготеющего к «полюсу Вахштайна», — Е. Л. Омельченко.

27 Во всех случаях значения возрастали или сокращались монотонно, так что различия между полярными группами были максимальными.

Таблица 11. Детерминанты положения на шкале «Зубок — Вахштайн» в пространстве внимания

Независимая переменная	Корреляция Спирмена	Сила эффекта
Теория и история		0,25
Неравенство и стратификация		0,11
Культура и идентичность		0,12
Гендер, семья и социальная политика		-0,16
Политика, СМИ и Интернет		0,04
Микросоциология и повседневность		0,35*
Отраслевая социология		-0,06
Методология и методы		0,25
Национальная социологическая традиция	0,359**	-1,26***
Качественные методы	-0,02	-0,01
Женщины лидеры дисциплины	-0,09	0,45
Учиться у западных коллег	-0,148**	0,62**
Наука как физика и химия	0,09	-0,29
Западные теории многого не объясняют	0,158**	-0,70**
Не смешивать науку и политику	0,132*	-0,19
Противостоять всем формам угнетения	0,07	-0,38
Особая российская физика	-0,161**	0,53**
Свобода от ценностей ложный идеал	0,07	-0,14
Думать о фундаментальных принципах	-0,142*	0,50*
Методический уровень статей на Западе выше	-0,273**	1,20***
Способствовать решению реальных проблем	0,267**	1,20***
Интересы страны и государства	0,336**	-0,95***
Наличие степени	0,174*	0,39*
Руководство диссертациями	0,188*	0,31*
Оппонирование	0,194*	0,24
Английские статьи	-0,13	-0,28*
Монография	0,01	-0,23
Приглашенный преподаватель в Европе	-0,03	0,01
Популяризатор	0,07	0,16
СМИ	-0,03	0,00
Преподаватель	0,10	0,25
Возраст	0,32***	-1,11***

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

По контрасту с этим аттитуды обладают значительной предсказательной силой в отношении того, в какой точке пространства внимания индивид находится. В первую очередь это относится к локалистской и глобалистской идеологиям. Так, лишь половина твердо уверенных, что российским социологам надо пестовать национальную социологическую традицию, знала труды В. С. Вахштайна (49,6%). Среди твердо уверенных, что делать этого не надо, данное соотношение изменялось на 9:1 — 90,2% знали, 9,8% не знали. Напротив, труды Ю. А. Зубок среди сторонников национальной традиции знали 64,1% и не знали 35,9%. Среди методологических космополитов соотношение знающих и не знающих изменялось на противоположное — 68,3% не знали, 31,7% знали. В этом смысле наша шкала «Зубок — Вахштайн» воспроизводит оппозицию между «Ист- и Вест-Сайдом», обнаруженную в 2009 году на материалах изучения петербургской социологии (Соколов, 2012).

Нынешнее исследование показывает, что данная оппозиция жива и продолжает структурировать академическую коммуникацию десять лет спустя после прошлого исследования, причем прослеживается на уровне страны в целом, не только отдельного мегаполиса. Кроме того, мы можем добавить в эту картину некоторые нюансы. Мы видим, что полюса слабо связаны с общенаучными идеологиями вроде позитивизма/антипозитивизма, которые, как часто предполагается, стоят за образованием лагерей в науке. На локалистском полюсе мы находим несколько более сильную ориентацию на «реальные проблемы» и неприятие фундаментальной социологии, не приносящей никому конкретной пользы, однако сторонники проблемно-ориентированной социологии составляют большинство во всех лагерях.

С другой стороны, мы видим значимые, хотя и не слишком выраженные тенденции к тому, чтобы оценивать себя и коллег по разным стандартам. Локалисты отчетливо придают больше значения ученым степеням и видят важной заслугой ученого помощь младшим поколениям в подъеме по ступеням традиционной российской лестницы ученых степеней; глобалисты, как можно догадаться, придают больше значения международным публикациям, а к степеням достаточно безразличны. Легко представить себе, как это различие превращается в неразрешимые противоречия по поводу относительного статуса ученых²⁸.

Последней переменной, связанной с позицией в пространстве внимания, является возраст. Локалисты в среднем старше глобалистов. Возраст может влиять на пространство внимания как напрямую — у поколений разные кумиры, так и косвенно, через распространение академических идеологий и практик (младшие сильнее ассоциируют себя с глобальной наукой и активнее пользуются соцсетями, благодаря чему лучше знакомы с работами коллег, активность которых разворачивается преимущественно в фейсбуке). Мы попробовали противопоставить влияние этих факторов, посчитав OLS-регрессии. Положение на шкале «Зубок — Вахштайн» использовалось в качестве зависимой переменной, возраст и баллы на идеологической

28 Характерно, что, как показывают другие данные этого же исследования, локалисты значительно негативнее относятся к наукометрии. Тема, однако, остается за пределами данного отчета.

шкале локализма/глобализма, полученные с помощью анализа основных компонент, — в качестве независимых. Регрессия объяснила 20,3% вариации, обе независимые переменные оказали самостоятельно значимое влияние — идеологическая шкала в несколько большей степени, чем возраст (бета для первой составила 0,34, для второй — 0,23). Однако с учетом сокращения объема выборки ($N = 329$) эти выводы можно трактовать лишь со значительной осторожностью.

В этом смысле группы поддержки, стоящие за репутацией отдельных ученых, в значительной мере отличаются по своим идеологическим и поколенческим профилям. Они различаются также, по всей видимости, пространственной локализацией и институциональными привязками. В нашем опросе крупнейшие организации, как и индивиды, располагались на шкале локализма/глобализма в следующем порядке: ИСПИ ФНИСЦ РАН (средний балл 0,76), УрФУ (0,33), РГСУ (0,31), ЮФУ (0,24), ФГНСЦ РАН (-0,02), МГУ (-0,1), РАНХиГС (-0,29) и ВШЭ (-0,5) при стандартном отклонении в 1,01. Единого пространства внимания в российской социологии не существует. При этом отношения к работе друг друга между представителями его сегментов отчасти асимметричны. Мы рассчитали корреляции между положением отвечающего на шкале «Зубок — Вахштайн» и высокой или низкой оценкой заслуг конкретных фигур. Большинство значимых корреляций касаются социологов, более известных в локалистском лагере, которые оцениваются в нем выше, чем за его пределами. Для Ж. Т. Тощенко корреляция между шкалой «Зубок — Вахштайн» и оценкой его работ как «важных и интересных» составляет 0,305, для Г. Е. Зборовского 0,185, для самой Ю. А. Зубок 0,155, для А. И. Антонова 0,148. Единственный глобалистский автор, для которого корреляция оказывается значимой, — Г. Б. Юдин (-0,169). В целом, однако, показатели не слишком высокие — это значит, что представителей другого сегмента обычно скорее игнорируют, чем читают и осуждают. Здесь интересно положение Ж. Т. Тощенко, который одновременно является самой известной фигурой и получает неожиданно много отрицательных оценок (рисунок 2). Возможно, известность ученого настолько широка, что по отношению к нему принцип «ничего не знать о человеке, работа которого нам, вероятно, не понравится» не работает.

Другой парадоксальный случай — В. В. Федоров, который, похоже, лучше известен глобалистам, но при этом более популярен среди локалистов (корреляция со шкалой «Зубок — Вахштайн» 0,248). Вероятным объяснением его непопулярности среди глобалистов может служить его широко известная политическая позиция (исследование 2009 года продемонстрировало значительную корреляцию глобализма с политическим либерализмом (Sokolov, 2019)). Почему лагерь, которому В. В. Федоров нравится меньше, знает его лучше, чем лагерь, где он мог бы встретить больше симпатий? Эта тема остается в значительной мере за пределами данного отчета, но похоже, что отчасти за взаимной изоляцией сегментов стоит их опора на разные каналы получения профессиональной информации. Среди старших поколений и локалистов значительно более популярны традиционные каналы — регулярное чтение дисциплинарной периодики (как мы теперь знаем, это прежде всего журнал «Социологические исследования»), посещение конференций и поиск в Интернете по

ключевым словам. Среди младших и глобалистов — сообщения в социальных сетях, персонализированные рекомендации от Google Scholar и подобных ему сервисов, индексы цитирования и онлайн-лекции. Медийно известные фигуры, такие, как В. В. Федоров, очевидно, имеют преимущественный доступ к этой аудитории, для которой различия между каналами поступления дисциплинарной и общественной информации исчезающе малы — и которая при этом относится к нему достаточно негативно.

Можно ли предсказать репутации социологов, зная их показатели цитирования?

Повсеместное распространение количественных индикаторов исследовательской продуктивности стало, возможно, наиболее важной трансформацией академических институтов на рубеже веков (Whitley and Glaeser, 2007; Ferlie and Musselin, 2008; Auranen and Nieminen, 2010; Espeland, Sauder and Espeland, 2016; Muller, 2018)²⁹. Столь же повсеместна и их критика, особенно со стороны представителей социальных наук (в том числе социологии), которые ощущают, что количественные показатели плохо отражают исследовательские заслуги в их областях (Glaeser, 2004; Najman and Hewitt, 2004; Fleck, 2013). Основанные на библиометрических показателях индикаторы, говорят критики, не способны уловить такое сложное и многомерное явление, как научная репутация.

Валидность цитатных показателей ставится под сомнение на нескольких основаниях:

(1) Цитирования не предназначены в точности для оценки интеллектуального вклада ученого. Они лишь указывают на полезную с точки зрения цитирующего работу. Однако полезность не является синонимом качества (Bornmann and Daniel, 2008; Aksnes et al., 2019; Tahamtan and Bornmann, 2019) и не подразумевает творческую оригинальность или высокий уровень исполнения (самыми цитируемыми текстами часто оказываются обзорные статьи и справочники), а число цитирований связано с размером соответствующей исследовательской области. Кроме того, как показывает литература, посвященная мотивам цитирования, «полезной» статья может быть во многих смыслах, например, если ее цитирование является ритуальной демонстрацией принадлежности к сообществу или если оно рассматривается как способ сделать приятное редактору или рецензентам, особенно если это статья самих редакторов или рецензентов (Vinkler, 1998; Camacho-Miñano et al., 2009; Tahamtan and Bornmann, 2019). Наконец, что из потенциально полезного не может быть процитировано есть предмет дисциплинарных и субдисциплинарных конвенций (Cozzens, 1985; Hargens, 2000), и некоторые полезные с любой точки зрения статьи не цитируются, чтобы избежать ситуации, когда результирующий текст состоит преимущественно из ссылок (см. примеры из биологии — MacRoberts and MacRoberts, 2010).

(2) Подсчет цитирований неизбежно требует определения корпуса цитирующих источников. Не существует, однако, никакого ясного и признаваемого всеми алгоритма, который позволял бы определить, какие тексты должны войти в такой корпус, а какие — нет³⁰, поэтому любое решение неизбежно является волюнтаристским. Существующие сегодня решения с опорой на индексы цитирования Web of Science и в особенности Scopus критикуют за то, что они дискриминируют

²⁹ По крайней мере, пока не случилось бегство в онлайн от коронавируса.

³⁰ Более того, если верить Бурдые, таких критериев и не может быть, поскольку границы поля всегда есть ставки в борьбе в нем.

издания книжного формата и, соответственно, целые дисциплины, в которых пишут преимущественно книги³¹. Также они дискриминируют программное обеспечение, каталоги, газетные передовицы и иные плоды человеческого гения, особенно если те не на английском (Paasi, 2005; Mosbah-Natanson and Gingras, 2014).

(3) После начала распространения метрик как административного инструмента распространились обвинения в том, что они подвержены манипуляциям и накруткам цитирований (Rijcke et al., 2015).

Ниже мы сделаем попытку оценить степень согласованности между метриками, вычисленными на основании баз данных РИНЦ, и данными нашего репутационного опроса российских социологов. Репутационные опросы предположительно свободны от части ограничений показателей цитирования: (1) они могут измерить репутацию и научный вклад в чистом виде, не через «прокси» вроде цитирований, (2) они не дискриминируют авторов книг и, более того, позволяют учитывать бесписьменные жанры, например семинары, (3) манипуляции в ходе опроса возможны, но в известной мере затруднены. Так, анонимность опроса и его нерегулярность исключают вступления в долговременные отношения обмена (цитируй тех, кто цитирует тебя — Cronin, 1998) или коммерческое посредничество (биржи цитирований).

С учетом этого репутационные опросы, проводившиеся, в частности, в социологии, становились основанием для критики метрик, поскольку расхождения трактовались не в пользу последних (Glaeser, 2004)³². Цель данной части нашего исследования — оценить общую степень конвергенции между метриками и репутационным опросом³³. Есть два подхода к решению такой задачи, граница между которыми соответствует границе между sociology и computational social science (Губа, 2018). Первый подход, социологический, предполагает ориентацию на интерпретируемость и возможность сделать содержательные выводы о природе связи между переменными, второй, компьютационный, — на максимальную предсказательную силу модели (Hofman et al., 2017). Первый подход подразумевает включение по возможности небольшого числа переменных, влияние которых может быть содержательно объяснено, второй — использование максимального числа переменных, пока это позволяет увеличивать

31 Некоторые дисциплины, например социология, разделены на книжные и журнальные субдисциплины (Clemens et al., 1995).

32 Отметим, что некоторые ограничения являются общими и для опросов, и для метрик. Во-первых, есть проблема определения базы: анкета должна быть кому-то разослана или где-то размещена, что особенно проблематично для фрагментированной дисциплины, которая делится на практически изолированные субдисциплины (как, например, биология) или, еще хуже, территориальные сегменты и политические лагеря (в этом плане российская социология в силу своей поколенческой и политической фрагментированности, описанной выше, представляет собой благодатную почву для изучения). Во-вторых, ответы на вопросы анкеты могут быть способом сыграть в политическую игру, повысив статус тех, с кем индивид связан, и понизив статус конкурентов. В-третьих, существуют когнитивные искажения: некоторые фигуры могут легче всплывать в памяти в силу «эффекта Матфея» (Merton, 1968), а репутационные рейтинги (как, впрочем, и цитирования) могут дискриминировать в пользу истеблишмента. Тем не менее в целом репутационные рейтинги должны работать по крайней мере не хуже, чем библиометрия.

33 Насколько нам известно, такое сравнение на основании общенационального опроса предпринимается впервые в наукометрии.

точность предсказаний. Мы шли обоими путями, однако, как станет понятно далее, видим основания рекомендовать скорее первый, предполагающий использование небольшого числа интерпретируемых показателей, поскольку концептуальные потери, сопряженные со вторым подходом, не окупаются предсказательными достижениями.

Показатели РИНЦ, используемые в предсказании репутации, могут быть разделены на две категории — основные и квалификаторы. *Основные показатели* — это непосредственные характеристики активности и влияния — число публикаций и цитирований — которые приводятся к одному знаменателю Хирш-индексом³⁴. Ключевая проблема любого наукометрического инструмента оценки — выбор базы, которая используется для вычисления всех этих показателей. Здесь РИНЦ предоставлял нам три источника: библиотека elibrary.ru (самый широкий круг источников, к которому относились без ограничений тезисы конференций, монографии, диссертации и периодические издания), собственно РИНЦ (издания, прошедшие проверку качества, исключая мусорные публикации и т. д.) и ядро РИНЦ — список избранных российских журналов и изданий, входящих в Scopus или Web of Science. Мы использовали первый и третий источники, поскольку второй сравнительно мало отличается от первого.

Квалификаторы включают в себя показатели, которые, по замыслу архитекторов РИНЦ, могут пролить какой-то свет на качество работы ученых и, в некоторых случаях, на степень их добросовестности: (1) доля самоцитирований, (2) доля в ядре, (3 и 4) импакт-факторы изданий, в которых опубликованы и процитированы работы, (5) доля цитирований соавторами. К группе квалификаторов примыкает доля публикаций за последние 5 лет — указание не на качество, но на свежесть работы, что, возможно, влияет на легкость, с которой какое-то имя приходит на ум.

Мы также использовали контрольную переменную — то, что именно социология фигурирует в качестве области, к которой принадлежит бóльшая часть публикаций индивида.

В силу характера зависимой переменной использовалась негативная биномиальная регрессия³⁵. В таблице 12 ниже показаны вначале модели с введенными отдельно

34 Хирш-индекс задумывался как метрика, комбинирующая количественную и качественную оценку.

35 Данные социологов для расчетов были скачаны заново в конце апреля 2020 года, причем теперь, наученные горьким опытом, мы взяли тех, кто имел или наибольшее число публикаций, или большинство цитирований в социологии. Так число профилей выросло до 7878. Несмотря на расширение зоны поиска несколько известных индивидов не попали в число скачанных, поскольку ни по одному критерию социология не была их основной специализацией (В. В. Федоров попал в политологию, С. Г. Кирдина — в экономику, Я. И. Гилинский — в юриспруденцию). Установление соответствия между персонами из списков и профилями РИНЦ было нетривиальной задачей и требовало иногда инсайдерского взгляда и работы с многочисленными печатками. Здесь надо отметить, что мы отождествляли номинантов, для которых имелись только инициалы, с профилями в РИНЦ, если у них была нераспространенная фамилия или если оба инициала совпадали, а основной тематикой публикаций соответствующего профиля в РИНЦ была социология. В целом из 1090 фигурантов наших списков не удалось идентифицировать 330: либо у них нет профиля (из известных фигур, у которых не обнаружилось профиля, надо назвать В. М. Воронкова и Б. З. Докторову), либо в инициалах были сделаны печатки, либо они относились к другой дисциплине. Отметим специально случай А. И. Антонова, большинство публикаций в профиле которого принадлежат

основными показателями при контроле по области (Модели 1-6), затем — модель со всеми основными показателями сразу (Модель 7), затем — модель со всеми основными показателями и с добавлением квалификаторов (Модель 8). Для каждой модели затем мы указываем четыре метрики: AIC, BIC и две характеристики точности сортировки — долю угаданных на основании наукометрических показателей среди top-20 и top-100. Метрики AIC и BIC можно трактовать как точность, с которой модель аппроксимирует распределение по всем значениям зависимой переменной, top — ее способность предсказывать положение в верхних строках рейтинга.

Изучение AIC приносит неожиданные результаты. Все модели дают значимое улучшение по сравнению с моделью только с контролем (имеющей AIC и BIC около 13000). При этом для моделей с единственной основной переменной (модели 1–6) наилучшими оказываются результаты с числом статей в ядре РИНЦ и с двумя версиями Хирш-индекса (причем наилучший результат дает индекс Хирша по библиотеке elibrary.ru). Модели со всеми основными переменными (модель 7) и с квалификаторами (модель 8) приносят еще лучший результат. Несмотря на это большинство квалификаторов по отдельности не дают значимого эффекта (за исключением отрицательного влияния цитирования соавторами и положительного — доли публикаций в ядре РИНЦ).

Применительно к сортировкам все переменные дают 7–12 угадываний для top-20 и 40–50 для top-100 (чтобы оценить масштаб, достаточно сказать — вероятность того, что при нашем размере выборки хотя бы один из двадцати случайно отобранных социологов попадет в top-100 по репутационному рейтингу, составляет около 5%). Лучшие результаты из моделей с единственной основной переменной дает число публикаций в ядре РИНЦ (модель 2)³⁶. Полная модель, в которую включены все имеющиеся в РИНЦ переменные, дает 63% корректных сортировок для top-100 (при 10 в top-20), однако надо иметь в виду опасность перепогонки модели (overfitting)³⁷.

другому человеку (физику с такими же Ф. И. О.). Мы с печалью вычеркнули из списка покойных коллег (хотя эту работу было невозможно произвести в отношении менее известных фигур). Надо отметить, что приведенная подгонка распределения является лишь первым шагом; есть надежда, что эксперименты с другими функциями принесут еще лучшие предсказательные результаты.

36 То, что лучший результат дает количество публикаций, а не какая-то характеристика их влияния, может само по себе считаться содержательно интересным результатом. Возможно, отчасти это связано с тем, что появление статей в центральных журналах в России часто является результатом активной политики редакции, деятельно извлекающей тексты из известных авторов и столь же деятельно избегающей публикации других авторов, которых считает графоманами. Таким образом, само число статей в ведущих журналах превращается в метрику востребованности авторов редакцией.

37 Некоторые из дающих лучший результат переменных заведомо не являются объяснительными — например, год первой публикации, который, видимо, характеризует не столько возраст, сколько время, в течение которого публикации автора остаются актуальными.

Таблица 12. Влияние наукометрических переменных на общее число упоминаний в репутационном опросе, негативная биномиальная регрессия (стандартные ошибки курсивом, * p <= 0,001)**

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Константа	-2,381***	-2,131***	-1,818***	-1,722***	-2,933***	-2,318***	-2,989***	-2,878***
	<i>0,0452</i>	<i>0,0402</i>	<i>0,0356</i>	<i>0,0341</i>	<i>0,0539</i>	<i>0,0434</i>	<i>0,0629</i>	<i>0,1132</i>
Социология не основная	-1,957***	-1,297***	-1,641***	-1,377***	-1,769***	-1,311***	-1,504***	-1,49***
	<i>0,1006</i>	<i>0,0919</i>	<i>0,0984</i>	<i>0,0907</i>	<i>0,1017</i>	<i>0,0926</i>	<i>0,1015</i>	<i>0,1018</i>
N публикаций в elibrary.ru	0,023***						0,003***	0,007***
	<i>0,0005</i>						<i>0,0007</i>	<i>0,0009</i>
N публикаций в ядре РИНЦ		0,101***					0,03***	0,014
		<i>0,0022</i>					<i>0,0039</i>	<i>0,0042</i>
Цитирований в elibrary.ru			1,488***				4,54E-02	-9,60E-02
			<i>3,67E-02</i>				<i>5,77E-02</i>	<i>5,40E-02</i>
Цитирований в ядре РИНЦ				0,012***			-0,002***	-0,002
				<i>0,0003</i>			<i>0,0005</i>	<i>0,0005</i>
Хирш elibrary.ru					0,244***		0,113***	0,121***
					<i>0,005</i>		<i>0,0115</i>	<i>0,0116</i>
Хирш в ядре РИНЦ						0,819***	0,353***	0,3***
						<i>0,0163</i>	<i>0,0349</i>	<i>0,0376</i>
Число самоцитирований								0,003
								<i>0,0042</i>
Число цитир. соавторами								-0,019***
								<i>0,0031</i>
Импакт-фактор журнала, где опубликованы статьи								0,194
								<i>0,0852</i>
Импакт-фактор журнала, где процитированы статьи								-0,406
								<i>0,1453</i>
Процент публикаций за 5 лет								0,003
								<i>0,0015</i>
Доля публикаций в ядре								1,223***
								<i>0,255</i>
AIC	8716,6	7832,1	8414,814	8562,85	7637,58	7953,47	7047,62	6929,66
BIC	8737,5	7853	8435,71	8583,75	7658,48	7974,37	7103,35	7027,16
Угадано в top-20	3	10	7	8	9	9	12	11
Угадано в top-100	30	48	45	43	40	33	48	50

Мы можем задаться вопросом, каково происхождение наблюдаемых рассогласований: в каких случаях репутация, измеряемая опросом, плохо предсказывается на основании метрик? Здесь можно выделить два типа отклоняющихся случаев, которые мы будем называть ложнопозитивными и ложнонегативными. Ложнопозитивные случаи возникают, если мы не находим ожидаемого эффекта (люди с высокими цитатными показателями не имеют репутационных номинаций), ложнонегативные — наоборот (люди с относительно низкими показателями имеют репутационные номинации). Самые яркие примеры ложнопозитивных случаев — это С. И. Самыгин из ЮФУ в Ростове-на-Дону (третий по числу цитирований в elibrary.ru после В. А. Ядова и М. К. Горшкова, на основании модели предсказана третья строчка, при этом получил всего три номинации). В общем случае мы нашли 7 примеров, когда люди, входящие в топ-20 по метрикам, оказываются ниже третьей сотни по номинациям.

При более пристальном взгляде мы находим какое-то объяснение кажущимся аномалиям. Некоторые из попавших в число социологов не являются социологами, но имеют очень высокие показатели по цитированию и прочим основным переменным, и наш контроль по профилю просто «штрафует» их недостаточно сильно, чтобы предотвратить их попадание на первые строчки (например, К. К. Колин, большинство публикаций которого относятся к педагогике). Часто основные цитатные показатели образуются за счет публикации переводов или отредактированных изданий классических текстов, занесенных в базу таким образом, что редактор квалифицируется как соавтор (благодаря чему российский обществовед может реализовать мечту социологов всего мира и опубликовать совместную статью с Максом Вебером). В других случаях львиная доля цитирований приходится на учебные пособия. Наконец, некоторые из авторов участвуют в публикации вала статей с несколькими столь же активно публикующимися соавторами, постоянно цитируя при этом сами себя и друг друга. Некоторым удается достичь в этом деле поистине героических размахов³⁸.

Эти характеристики часто пересекаются, создавая специфический наукометрический типаж: авторы популярных учебников — обычно специалисты широкого междисциплинарного профиля — публикуют массу статей и цитируются в не самых влиятельных журналах (поскольку в ядре РИНЦ учебники вообще цитируются сравнительно редко). Соответственно, среди ложнопозитивно идентифицированных авторов мы находим отчетливую группу тех, кто демонстрирует критические значения по всему набору квалифицирующих показателей: (1) высокий уровень самоцитирований (20–40%) и цитирований соавторами (40–70%)³⁹, (2) низкий импакт-фактор публикующих и цитирующих журналов (0,25–0,35), (3) очень невысокое число публикаций и цитирований в ядре по сравнению с общими цифрами (скажем, у

38 В качестве примера можно назвать психолога М. М. Басимова, опубликовавшего по состоянию на 1 августа 2020 года 472 работы, процитированные в общей сложности 3373 раза — из них 3055 раз самим М. М. Басимовым.

39 Из авторов, имеющих свыше 100 цитирований, менее 15% имеют число самоцитирований, превышающее 25%, и число цитирований соавторами, превышающее 50%.

С. И. Самыгина индекс Хирша по elibrary.ru 56, а по ядру — 4). Тем не менее по отдельности эти признаки могут иметь и совершенно иное значение — и, как следствие, не имеют соответствующих знаков в регрессии⁴⁰.

Вместо того чтобы вводить переменные-квалификаторы по отдельности, можно было объединить их в единую типологию, проведя кластерный анализ. Итого авторы, опубликовавшие не менее 10 статей в elibrary.ru, были распределены по трем кластерам (см. таблицу 13).

Таблица 13. Типология авторов РИНЦ на основе кластерного анализа переменных-квалификаторов

Переменные	1	2	3
Импакт-фактор публикующих журналов	0,24	0,31	0,41
Импакт-фактор цитирующих журналов	0,27	0,35	0,37
Доля самоцитирований	0,54	0,18	0,05
Доля цитирований соавторами	0,69	0,43	0,12
Доля публикаций в ядре	0,05	0,08	0,13
Цитирования в elibrary.ru	0,37	0,46	0,47

Первый кластер представлен авторами, которые публикуются и цитируются в журналах с невысоким импакт-фактором, не входящими в ядро, при этом преимущественно цитируют сами себя или цитируются соавторами. В то же время число их цитирований в elibrary.ru существенно ниже, чем у других (чтобы соблюсти соответствие размерности, был взят десятичный логарифм числа цитирований и результат поделен на максимальное наблюдаемое значение — 4,19). У представителей двух других кластеров число цитирований почти совпадает, однако значения всех качественных показателей существенно выше для третьего кластера, чем для второго. В первой двадцатке репутационного рейтинга оказался только один индивид, попавший во второй кластер (Д. М. Рогозин, «поплатившийся» за то, что в российской социологии статьи по методологии в основном цитируют его соавторы), в числе первых пятидесяти — двое, первых ста — 11. Ни одного, попавшего в первый кластер, среди первой сотни репутационного рейтинга не было. При введении в регрессию кластерная группировка оказывается высокозначимой, но не улучшает прогностические показатели. Тем не менее само направление размышления кажется перспективным.

Ложнонегативные случаи — высокие показатели репутации при невысоких показателях цитирований — гораздо менее выражены. Среди тех, кого мы встречаем в таблице 3,

40 Скажем, невысокий импакт-фактор журнала, в котором опубликованы работы, может быть результатом того, что влиятельный автор публикуется активно в издании стилистически близком, хотя и не привлекающим других таких авторов, а невысокий импакт-фактор журнала, в котором работы цитируются, может быть результатом того, что данного автора цитируют практически все, как В. А. Ядова; большое число цитирований соавторами может быть отражением практики издания «коллективных монографий» с десятками авторов (на этой ниве особенно отметился московский Институт социологии РАН) — и так далее. В комбинации друг с другом эти признаки приобретают, однако, несколько компрометирующий характер.

это будут, скажем, Е. А. Здравомыслова (124 строчка в прогнозе, основанном на метриках), Д. М. Рогозин (143-я строчка), А. Б. Гофман (179-я), Д. В. Иванов (196-я), И. Ф. Девятко (221-я), Е. Л. Омельченко (242-я). Однако явная скандальность будет отсутствовать даже в самых крайних случаях из этого списка: самый низкий результат в топ-20 из обобщенного списка — у Девятко — все равно попадает в верхние 3% общероссийского распределения и в топ-50 есть лишь один человек, который опускается ниже верхних 4%. Группа ложнонегативных случаев будет характеризоваться скорее относительной молодостью ее представителей и специализацией на сравнительно узких темах, наподобие методов (Рогозин, Девятко).

Общие выводы из этого раздела: метрики достаточно хорошо позволяют решать исследовательские задачи по идентификации научной элиты. Социологи, признаваемые другими социологами как лидеры в своей дисциплине, почти наверняка имеют высокие показатели цитирования; существование авторитета, почитаемого, но не цитируемого, сомнительно. Обратное неверно: можно иметь высокие показатели цитирования и быть сравнительно неизвестным. Однако такие случаи имеют характерный наукометрический профиль, который может быть описан с помощью переменных-квалификаторов. Метрики, таким образом, можно уверенно использовать для задач вроде формирования составов общенациональных жюри. Эти выводы, однако, не могут быть экстраполированы на задачу оценки «научной продуктивности» большого числа ученых, не входящих в дисциплинарную элиту.

Ссылки

Губа, К. С. (2015). «Merton College»: от концептуализации к эмпирической программе социологии науки. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18 (2): 130–145.

Губа, К. С. (2018). Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? *Социологическое обозрение*, 17 (1): 213–236.

Димке, Д. В. (2012). Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии. *Социологические исследования*, № 6: 97–107.

Кинчарова, А. В. (2014). Методология мировых рейтингов университетов: анализ и критика. *Университетское управление: практика и анализ*, 90 (2): 70–80.

Соколов, М. М. (2008). Проблема консолидации авторитета в постсоветской науке. *Антропологический форум*, 9: 8–31.

Соколов, М. М. (2009). Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки». *Laboratorium: журнал социальных исследований*, № 1: 20–57.

Соколов, М. М. (2012). Изучаем локальные академические сообщества. *Социологические исследования*, № 6: 76–82.

Aksnes, D. W., Langfeldt, L., & Wouters, P. (2019). Citations, citation indicators, and research quality: An overview of basic concepts and theories. *Sage Open*, 9 (1), 2158244019829575.

Aksnes, D. W. (2003). Characteristics of highly cited papers. *Research Evaluation*, 12 (3): 159–170.

Auranen, O., & Nieminen, M. (2010). University research funding and publication performance — An international comparison. *Research Policy*, 39 (6): 822–834.

Beigel, F., Gallardo, O., & Bekerman, F. (2018). Institutional expansion and scientific development in the periphery: The structural heterogeneity of Argentina's academic field. *Minerva*, 56 (3): 305–331.

Bornmann, L., & Daniel, H. D. (2008). What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior. *Journal of Documentation*, 64 (1): 45–80.

- Bourdieu, P. (1975). The specificity of the scientific field and the social conditions of the progress of reason. *Information (International Social Science Council)*, 14 (6): 19–47.
- Camacho-Miñano, M. D. M., & Núñez-Nickel, M. (2009). The multilayered nature of reference selection. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 60 (4): 754–777.
- Clemens, E. S., Powell, W. W., McIlwaine, K., & Okamoto, D. (1995). Careers in print: Books, journals, and scholarly reputations. *American Journal of Sociology*, 101 (2): 433–494.
- Collins, R. (1989). Toward a theory of intellectual change: the social causes of philosophies. *Science, Technology, & Human Values*, 14 (2): 107–140.
- Cozzens, S. E. (1985). Comparing the sciences: Citation context analysis of papers from neuropharmacology and the sociology of science. *Social Studies of Science*, 15 (1): 127–153.
- Espeland, W. N., & Sauder, M. (2007). Rankings and reactivity: How public measures recreate social worlds. *American Journal of Sociology*, 113 (1): 1–40.
- Espeland, W. N., & Sauder, M. (2016). Engines of anxiety: Academic rankings, reputation, and accountability. *Russell Sage Foundation*.
- Espeland, W. N., & Stevens, M. L. (2008). A sociology of quantification. *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, 49 (3): 401–436.
- Ferlie, E., Musselin, C., & Andresani, G. (2008). The steering of higher education systems: A public management perspective. *Higher Education*, 56 (3): 325–350.
- Fleck, C. (2013). The impact factor fetishism. *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie/Europäisches Archiv für Soziologie*, 54 (2): 327–356.
- Gans, H. (1992). Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science. *Sociological Forum*, 75 (4): 701–710.
- Glaeser, J. (2004). Why are the most influential books in Australian sociology not necessarily the most highly cited ones? *Journal of Sociology*, 40 (3): 261–282.
- Gouldner, A. W. (1957). Cosmopolitans and locals: Toward an analysis of latent social roles. Part I. *Administrative Science Quarterly*, 2: 281–306.
- Hargens, L. L. (2000). Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship. *American Sociological Review*, 65 (3): 846–865.

- Hicks, D. (2012). Performance-based university research funding systems. *Research Policy*, 41 (2): 251–261.
- Hofman, J. M., Sharma, A., & Watts, D. J. (2017). Prediction and explanation in social systems. *Science*, 355 (6324): 486–488.
- Horowitz, M., Haynor, A., & Kickham, K. (2018). Sociology's sacred victims and the politics of knowledge: Moral foundations theory and disciplinary controversies. *The American Sociologist*, 49 (4): 459–495.
- Keith, B., & Babchuk, N. (1998). The quest for institutional recognition: A longitudinal analysis of scholarly productivity and academic prestige among sociology departments. *Social Forces*, 76 (4): 1495–1533.
- Latour, B. and Woolgar, S. (1979). *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London and Beverley Hills: Sage.
- MacRoberts, M. H., & MacRoberts, B. R. (2010). Problems of citation analysis: A study of uncited and seldom-cited influences. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 61 (1): 1–12.
- Merton, R. K. (1968). The Matthew Effect in Science. *Science*, 159: 56–63.
- Mosbah-Natanson, S., & Gingras, Y. (2014). The globalization of social sciences? Evidence from a quantitative analysis of 30 years of production, collaboration and citations in the social sciences (1980–2009). *Current Sociology*, 62 (5): 626–646.
- Muller, J. Z. (2018). *The tyranny of metrics*. Princeton University Press.
- Najman, J. M., & Hewitt, B. (2003). The validity of publication and citation counts for sociology and other selected disciplines. *Journal of Sociology*, 39 (1): 62–80.
- Paasi, A. (2005). Globalisation, academic capitalism, and the uneven geographies of international journal publishing spaces. *Environment and Planning A*, 37 (5): 769–789.
- Rijcke, S. D., Wouters, P. F., Rushforth, A. D., Franssen, T. P., & Hammarfelt, B. (2016). Evaluation practices and effects of indicator use — a literature review. *Research Evaluation*, 25 (2): 161–169.
- Sokolov, M. (2019). The sources of academic localism and globalism in Russian sociology: The choice of professional ideologies and occupational niches among social scientists. *Current Sociology*, 67 (6): 818–837.

Sokolova, N., & Sokolov, M. (2020). Does popular culture bridge cultural holes? A study of a literary taste system using unimodal network projections. *Poetics*, 101472.

Scheff, T. J. (1995). Academic gangs. *Crime, Law and Social Change*, 23 (2): 157–162.

Shwed, U., & Bearman, P. S. (2010). The temporal structure of scientific consensus formation. *American Sociological Review*, 75 (6): 817–840.

Tahamtan, I., & Bornmann, L. (2018). Core elements in the process of citing publications: Conceptual overview of the literature. *Journal of Informetrics*, 12 (1): 203–216.

Tahamtan, I., & Bornmann, L. (2019). What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018. *Scientometrics*, 121 (3): 1635–1684.

Van Selm, M., & Jankowski, N. W. (2006). Conducting online surveys. *Quality and Quantity*, 40 (3): 435–456.

Vinkler, P. (1998). Comparative investigation of frequency and strength of motives toward referencing. The reference threshold model. *Scientometrics*, 43 (1): 107–127.

Whitley, R. (1984). *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford and New York: *The Clarendon Press, Oxford University Press*.

Whitley, R. & Glaeser, J. (2007). *Governance of the Sciences. The Advent of Research Evaluation Systems*. *Springer*.